38—486

38 486

Г. Е. АѲАНАСЬЕВЪ.

НАПОЛЕОНЪ
И
АЛЕКСАНДРЪ.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ).

Цѣна 30 коп.

427

Изданіе Кіевскаго Общества
Искусства и Литературы.

1912
Кіевъ.

38 486

Г. Е. АѲАНАСЬЕВЪ.

НАПОЛЕОНЪ
И
АЛЕКСАНДРЪ.

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ).

Изданіе Кіевскаго Общества
Искусства и Литературы.

1912
Кіевъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

1087001

КІЕВЪ
Типографія 1-й Кіевской Артели Печатн. Дѣла Трехсвят., 5
1912 г.

Наполеонъ и Александръ.

Причины войны 1812 года.*)

Подходитъ годовщина большихъ событій, въ которыхъ нашему отечеству суждено было играть выдающуюся роль. Интересъ къ войнѣ 1812 года оживаетъ и книжный рынокъ наполняется изданіями, относящимися къ этой эпохѣ. Упомянемъ большое изданіе, предпринятое Историческою Коммиссіей Общества Распространенія Техническихъ Знаній подъ редакціею г.г. Дживелегова и Мельгунова. Оно называется „Отечественная Война“. Пока вышло три большихъ тома съ многочисленными иллюстраціями. Это изданіе коллективное, можно сказать мозаичное, ибо оно составлено изъ статей многихъ авторовъ, работа коихъ объединена общимъ планомъ. Въ первомъ и во второмъ томахъ есть нѣсколько статей, освѣщающихъ причины войны 1812 года. Но, говоря о послѣднихъ, никакъ нельзя пройти мимо прекраснаго сочиненія академика Вандаля: „Наполеонъ и Александръ I“ (Napoléon et Alexandre I). По французски оно вышло въ трехъ томахъ, въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ, а въ настоящее время переводится на русскій языкъ, и два тома уже вышли. Эта книга не только подробно трактуетъ отношенія Россіи и Франціи между Тильзитскимъ миромъ и началомъ отечественной войны, но излагаетъ событія съ такой талантливостью и толкуетъ ихъ такъ отчетливо и живо, что книга читается съ захватывающимъ интересомъ.

---

*) Публичная лекція, прочитанная въ Кіевскомъ Обществѣ Искусства и Литературы 9 февраля 1912 года. Лекція эта печатается въ англійскомъ журналѣ «Russian Review», издаваемомъ при университетѣ въ Ливерпулѣ.

Не могу не упомянуть также и книги нашего соотечественника Татищева: „Александръ I и Наполеонъ“. Она содержитъ въ себѣ не только цѣнные документы, извлеченные авторомъ изъ русскихъ и французскихъ архивовъ, но и изложеніе соотвѣтствующихъ событій въ видѣ дополненія къ тексту писемъ и поясненія ихъ. Это сочиненіе написано и издано по французски въ 1891 году, одновременно съ выходомъ перваго тома сочиненія Вандаля, подъ заглавіемъ: „Alexandre I et Napoleon d'après leur correspondance inédite“.

Среди элементовъ, изъ которыхъ складывались международныя отношенія тогдашняго времени, на первомъ планѣ стоятъ взаимныя отношенія Франціи и Англіи. Та борьба, которая завязалась между этими государствами въ XVIII вѣкѣ изъ за колоніальнаго владычества въ Индіи, создала глубокую вражду между ними. Во всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ Англія всегда стоитъ противъ Франціи. Во время Семилѣтней войны Англія отхватила у Франціи Канаду, за что Франція отплатила ей потомъ активной помощью, оказанной англійскимъ колоніямъ въ Сѣверной Америкѣ, въ результатѣ чего для Англіи была потеря этихъ колоній, образовавшихъ самостоятельное государство „Соединенныхъ Штатовъ“. Такіе удары не скоро забываются. Во время Французской Революціи Англія, прикрываясь стремленіемъ побѣдить и смирить революціонный духъ, вмѣстѣ съ другими державами напала на Францію съ цѣлью поживиться на ея счетъ въ тотъ моментъ, когда она, какъ всѣ тогда думали, должна была быть слабой. Предположеніе это не оправдалось; революція не ослабила Францію. Напротивъ, она оказалась сильнѣе, чѣмъ при старой монархіи. Поэтому борьба приняла затяжной характеръ и тѣмъ болѣе страстный, что со стороны французовъ къ ней примѣшался элементъ защиты своей завоеванной политической свободы и національной самостоятельности. Съ такимъ характеромъ эта борьба переходитъ въ XIX столѣтіе. Во всѣхъ коалиціяхъ, создававшихся противъ Франціи, Англія являлась главнымъ рычагомъ ихъ и вдохновителемъ.

Но въ концѣ XVIII вѣка Австрія и Пруссія самостоя-

тельно выступили противъ Франціи, какъ будто то же во имя монархическаго принципа, но на самомъ дѣлѣ съ цѣлью поживиться на счетъ страны, впавшей въ анархію. За ихъ спиной стояла Екатерина II, подталкивавшая ихъ впередъ во имя защиты престоловъ и алтарей, но имѣвшая въ виду развязать себѣ руки въ Польшѣ. Пруссія и Австрія просчитались: вмѣсто побѣды и завоеваній, они потерпѣли пораженіе и понесли территоріальныя потери. За свое монархическое рвеніе Пруссія, вмѣсто Бельгіи, на которую она расчитывала, получила вознагражденіе на счетъ Польши по второму раздѣлу. Ни Пруссія, ни Австрія не могли примириться съ усиленіемъ Франціи и съ своими пораженіями, а потому тѣмъ легче они вступали въ коалиціи противъ нея, когда къ тому ихъ побуждали Англія и Россія.

Если Екатерина II въ отношеніяхъ къ Франціи держалась исключительно національныхъ интересовъ Россіи, имѣя въ виду Польшу и Турцію, то того же нельзя сказать объ ея преемникахъ Павлѣ I и Александрѣ I, которые въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ больше руководились соображеніями общей европейской политики, чѣмъ національными интересами Россіи и ея политическими выгодами. Подъ вліяніемъ первыхъ Павелъ I посылаетъ русскія войска на поля Италіи и на снѣжныя вершины Альпъ. Подъ конецъ своего царствованія онъ мѣняетъ свои отношенія къ Франціи; но смерть прервала начавшееся сближеніе. Въ первые годы своего царствованія Александръ I устраняется отъ борьбы съ Франціей, но не надолго. Въ 1805 году онъ входитъ въ коалицію Англіи и Австріи. Пораженіе союзниковъ при Аустерлицѣ разрушило эту коалицію; но вслѣдъ за нею образовалась другая, въ которой Россія дѣйствовала вмѣстѣ съ Пруссіей. Надъ гробомъ Фридриха Великаго Александръ I и Фридрихъ Вильгельмъ III протянули руки другъ другу, и поклялись не заключать мира съ Наполеономъ отдѣльно. Но пораженія при Іенѣ и Ауерштедтѣ разрушили силу сопротивленія Пруссіи и вскрыли ея внутреннюю слабость. Въ слѣдующемъ году (1807) пораженія русскихъ войскъ при Прейсишъ-Эйлау и при Фридландѣ лишили коалицію ея послѣдней опоры на континентѣ и привели французскую армію на берегъ Нѣмана, къ границѣ Россіи. Александръ I увидѣлъ безполезность дальнѣйшей

войны съ Франціей, тѣмъ болѣе, что интересы Россіи не были прямо въ ней замѣшаны и заключилъ перемиріе, за которымъ долженъ былъ послѣдовать окончательный миръ. По заключеніи перемирія было условлено личное свиданіе между Александромъ и Наполеономъ.

13 Іюня 1807 года можно было видѣть на рѣкѣ Нѣманѣ противъ Тильзита большой плотъ съ двумя шатрами, одинъ побольше, другой поменьше; затѣмъ можно было видѣть, какъ къ правому берегу Нѣмана въ нѣсколькихъ коляскахъ ѣхали: Императоръ Александръ I съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ сопровожденіи блестящей свиты. Подъѣхавши къ берегу, Императоръ вошелъ въ небольшой домикъ, стоявшій противъ шатровъ и, сѣвъ у окна, сталъ ждать прибытія Наполеона къ другому берегу. Условлено было, что оба государя одновременно прибудутъ къ плоту съ шатрами. Вскорѣ вошелъ въ комнату часовой и сказалъ: „ѣдетъ“. Дѣйствительно, на той той сторонѣ Нѣмана послышались громкіе клики войскъ, и показался императоръ французовъ на лихомъ скакунѣ съ блестящей свитой, привѣтствуемый войсками. Тогда Императоръ Александръ I, видимо сдерживая свое волненіе, вышелъ изъ домика и сѣлъ въ лодку почти въ одинъ и тотъ же моментъ, какъ и Наполеонъ. Наполеонъ нѣсколько раньше прибылъ къ плоту и пошелъ навстрѣчу, привѣтствуя Александра; они вошли въ шатеръ, и первая фраза Александра была такова: „Я ненавижу Англичанъ также сильно, какъ и Вы“. „Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ Наполеонъ, миръ можно считать заключеннымъ“. Затѣмъ между ними завязался оживленный политическій разговоръ, въ которомъ Наполеонъ старался выяснить ошибочность той политики, которую вела Россія послѣ Екатерины второй; старался выяснить, что политика Екатерины второй была національною, политика же императоровъ Павла I и Александра являлась космополитической, не преслѣдовавшей интересовъ русскаго государства, а скорѣе интересы общеевропейскіе. Бесѣда велась довольно долго; затѣмъ оба императора вышли, представили другъ другу свои свиты и и условились сойтись на другой день. На этомъ первомъ свиданіи король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III не былъ, такъ какъ Наполеонъ не согласился на это; онъ согласился лишь на присутствіе короля прусскаго на другой день, хотя

неохотно. На другой день состоялось свиданіе, опять на плоту, причемъ бесѣда двухъ императоровъ была гораздо болѣе любезна и гораздо болѣе откровенна; но по отношенію прускаго короля Наполеонъ держался въ предѣлахъ только крайне ограниченной вѣжливости, почти что не замѣчая его присутствія; разставаясь, Наполеонъ пригласилъ Александра на обѣдъ, въ Тильзитъ; но не адресовалъ приглашенія Фридриху-Вильгельму, чѣмъ подчеркнулъ свою антипатію къ Пруссіи. Наполеонъ упросилъ Александра переѣхать въ Тильзитъ. Городъ былъ раздѣленъ на двѣ части: въ одной держали караулы русскіе, въ другой французы. Недавніе враги братались между собою и угощали другъ друга, въ то время какъ ихъ государи сближались все больше и больше, проводя вмѣстѣ цѣлые дни. Утромъ происходили смотры или парады, затѣмъ оба императора ѣздили на прогулку верхомъ, причемъ оба они любили и умѣли ѣздить лихо. Фридрихъ-Вильгельмъ, иногда сопровождавшій ихъ, не умѣвшій ѣздить и боявшійся лошадей, представлялъ собою очень жалкую фигуру, особенно, когда ѣхали крупнымъ аллюромъ. Ежедневно Александръ обѣдалъ у Наполеона, а вечеромъ императоры опять гдѣ-нибудь сходились и вели бесѣды, которыя продолжались далеко за полночь, нерѣдко до разсвѣта. Впослѣдствіи они оба съ удовольствіемъ вспоминали эти „soirées nocturnes“, въ которыхъ они бесѣдовали откровенно о всѣхъ вопросахъ европейской политики. Въ этихъ бесѣдахъ Наполеонъ обрисовывалъ съ чарующею увлекательностью тѣ задачи, которыя должна преслѣдовать Россія въ своихъ политическихъ интересахъ; онъ указывалъ на необходимость завоеванія Финляндіи, такъ какъ иначе въ тылу Россіи будетъ находиться держава, которая всегда будетъ имѣть возможность причинить ей извѣстный вредъ; онъ говорилъ Александру на предстоящій въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ раздѣлъ Турціи, какъ государства въ высшей степени слабаго, и указывалъ на интересы Россіи, заключающіеся въ томъ, чтобы быть хозяиномъ Босфора, т. е. воротъ своего собственнаго двора. Онъ заставлялъ мерцать предъ Александромъ мечту объ освобожденіи Греціи, какъ дѣла достойнаго славы русскаго Государя. Вопросы русской политики Наполеонъ освѣщалъ съ изумительной проницательностью, и эти бесѣды производили глубокое впе-

чатлѣніе на Александра. Уже первое впечатлѣніе Александра было сильно въ пользу Наполеона. Онъ говорилъ потомъ, вспоминая о первомъ свиданіи: „Я никогда, ни противъ кого не имѣлъ столько предубѣжденій, какъ противъ него; но послѣ трехъ четвертей часа бесѣды всѣ они исчезли, какъ сонъ“. Чѣмъ болѣе императоръ Александръ узналъ Наполеона, тѣмъ болѣе проникался симпатіей къ нему и самымъ сильнымъ удивленіемъ къ его талантливости, громадному уму, его богатымъ свѣдѣніямъ и живости воображенія. Наполеонъ съ своей стороны тоже вынесъ пріятное впечатлѣніе изъ знакомства съ Александромъ. Онъ объ этомъ писалъ своей супругѣ Жозефинѣ въ день перваго свиданія: „Я только что видѣлъ императора Александра и очень имъ доволенъ. Это очень красивый, добрый и молодой императоръ. У него гораздо больше ума, чѣмъ обыкновенно думаютъ“.

Но эти люди значительно разнились другъ отъ друга по своему характеру, воззрѣніямъ и внутренней силѣ. По внѣшности Александръ I далеко оставлялъ за собою Наполеона, отличаясь высокимъ ростомъ, прекраснымъ сложеніемъ и небесно-голубыми глазами, которые своимъ чуднымъ выраженіемъ обвораживали всѣхъ окружающихъ; но по характеру онъ былъ человѣкъ надломленный. Нужно понять это выраженіе въ смыслѣ недостатка воли у человѣка, недостатка откровенности, прямоты, недостатка способности прямо высказывать свою мысль. Чтобы понять эту черту характера Александра I, нужно вспомнить юность его, его воспитаніе. Съ самаго дѣтства, какъ только онъ сталъ понимать себя и окружающихъ, ему приходилось стоять между двумя враждебными лагерями. Съ одной стороны стояла бабушка, которая любила его больше, чѣмъ мать, и восторгалась его способностями, живостью и впечатлительностью его характера. Ребенкомъ взяла она его себѣ на руки и воспитывала его съ особенной тщательностью, смотря на него какъ на будущаго повелителя Россіи. Екатерина II не любила Павла, она смотрѣла на него, какъ на человѣка вреднаго для русскаго государства и не разъ говаривала, что если онъ станетъ императоромъ, то Россія превратится въ прусскую провинцію. Она серьезно рѣшилась устранить его отъ престолонаслѣдія и только внезапность ея кончины помѣшала осуществленію

этого рѣшенія. Павелъ I относился къ своей матери съ тою же антипатіей, относился враждебно ко всей ея политической системѣ уже потому только, что это была ея система, и съ такимъ же чувствомъ относился ко всѣмъ ея приближеннымъ. Кромѣ того, онъ боялся ея и жилъ подъ гнетомъ постояннаго ожиданія какого-нибудь насильственнаго акта съ ея стороны. По существу дѣла Александръ не могъ относиться къ своему отцу съ какою либо антипатіей; напротивъ, у него, у мальчика было естественное влеченіе къ нему, и въ тоже время онъ сильно любилъ свою добрую и умную бабушку, которая лелѣяла его. Но, бывая у отца, онъ не могъ выказывать своей любви къ бабушкѣ, не вызывая гнѣва отца; передъ бабушкой онъ не смѣлъ отозваться хорошо о своемъ отцѣ и выказать симпатію къ нему. Такъ росъ мальчикъ и юноша, привыкая къ скрытности и даже лицемѣрію. Подъ вліяніемъ такой обстановки у Александра не развилась способность смѣло и открыто выражать свои чувства, а, напротивъ, создалась склонность выказывать не то, что есть на душѣ, а то, чего тамъ нѣтъ. Эта двуличность непріятно поражала современниковъ, которые въ то же время знали, къ какимъ благороднымъ порывамъ сердца онъ былъ способенъ и какъ по существу онъ былъ великодушенъ и добръ.

Послѣ смерти Екатерины положеніе Александра стало еще хуже. Павелъ устранилъ отъ него тѣхъ людей, которыми окружила его императрица и съ которыми онъ былъ связанъ дружбою. Онъ окружилъ его людьми, къ которымъ не лежала душа Александра, которые были совершенно другихъ взглядовъ и отъ которыхъ онъ долженъ былъ глубоко прятать свои чувства и мысли. Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе становилось царствованіе Павла I и тѣмъ невыносимѣе становилась нравственная атмосфера, въ которой приходилось жить наслѣднику престола. Самая смерть Павла I легла тяжелымъ бременемъ на душу молодого человѣка.

Такъ создалась та двойственность натуры Александра I, которая дѣлаетъ ее и понынѣ малопонятной. Ясно то, что эта постоянная необходимость скрывать свои чувства, мысли и желанія не была благопріятнымъ условіемъ для развитія самостоятельнаго характера и силы воли. Воля стала слаба, иниціативы въ характерѣ было мало. Онъ скорѣе былъ склоненъ подчиняться настроенію окружающихъ, чѣмъ подчи-

нить ихъ своей волѣ. Сильны были у него порыви, но той силы, которая опредѣляетъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ шаговъ человѣка, у него было мало.

Къ тому же, для послѣдовательности дѣйствій правителя нужна еще и наличность опредѣленныхъ, ясно очерченныхъ идей. Пусть эти идеи будутъ ошибочны, но нужно, чтобы они были ясны и опредѣленны, чтобы дѣйствія имѣли бы такой же характеръ. У Александра I была всегда нѣкоторая туманность воззрѣній и склонность къ мечтательности. Это было результатомъ его воспитанія столько же, сколько и свойствомъ его натуры.

Екатерина II старалась дать своему внуку современное воспитаніе и образованіе. Будучи сама поклонницей тогдашней французской философіи, она выписала швейцарца Лагарпа, воспитанника этой философіи и къ тому же настоящаго республиканца. Кромѣ того она приставила къ Александру М. Н. Муравьева, человѣка образованнаго и передового, для обученія русскому языку и литературѣ. Между послѣднимъ и Лагарпомъ не было разномыслія въ отношеніи философскихъ воззрѣній; но вліяніе послѣдняго на развитіе Александра было сильнѣе. Это былъ честный и прямой человѣкъ, способный стать нравственнымъ авторитетомъ для своего питомца. Александръ сильно привязался къ нему, и эта привязанность сохранилась въ немъ на всю жизнь. Лагарпу несомнѣнно принадлежитъ большая доля тѣхъ отвлеченныхъ представленій Александра о человѣческомъ благѣ, о гражданской свободѣ, о равенствѣ людей, о справедливости, о гнусности деспотизма и рабства и т. д., которыя въ первое время Александръ высказывалъ съ такимъ одушевленіемъ и которыя со временемъ, когда онъ сталъ далеко уже не прежнимъ, никогда въ немъ не изглаживались совершенно. Но по обстоятельствамъ того именно времени, когда вліяніе уроковъ Лагарпа могло быть особенно цѣнно, когда Александръ уже настолько подросъ, что могъ понимать философскіе уроки, послѣдніе не могли имѣть систематическаго характера. Французская революція въ 1792—1794 годахъ нагнала страхъ даже на Екатерину, и философы XVIII вѣка стали опасными. Поэтому преподаваніе философіи приняло характеръ объяснительнаго чтенія авторовъ древности и такихъ писателей какъ Локкъ, Сидней, Гиббонъ, а преподаваніе Исторіи све-

лось на ознакомленіе съ біографіями героевъ по Плутарху. Такое преподаваніе могло создавать мечты о подражаніи; но оно не могло выработать міровоззрѣнія, оно было слишкомъ отвлеченно, чтобы быть воспринятымъ молодымъ юношей, еще не подготовленнымъ, но оно развивало вкусъ къ мечтательности объ общихъ благахъ человѣчества безъ конкретнаго ихъ примѣненія. Не надо при этомъ забывать, что образованіе Александра сначала затруднилось, а потомъ и прекратилось вовсе, когда ему только минуло 16 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ его женили, придворная жизнь и жизнь молодожена все больше отвлекали его отъ занятій, а скоро и Лагарпъ былъ удаленъ, къ великому горю своего питомца. Нормально въ этомъ возрастѣ только начинается серьезное занятіе науками, а у Александра оно прекратилось. Идеи, имъ воспринятыя, остались болѣе въ видѣ чувствъ и мечтаній, чѣмъ опредѣленныхъ убѣжденій. Вотъ гдѣ источникъ нѣкоторой туманности его воззрѣній и отсутствія твердыхъ убѣжденій общественнаго характера. Умъ живой, воспріимчивый, склонный къ увлеченію всѣмъ хорошимъ и благороднымъ, остался безъ достаточной научной дисциплины. Межлу тѣмъ вліяніе придворной среды и нѣкоторыхъ близкихъ людей, по своимъ взглядамъ отличныхъ отъ Муравьева и Лагарпа, тянули въ сторону противоположную идеямъ этихъ людей. И вышло то, что по симпатіи къ Лагарпу и по увлеченію идеями равенства и свободы Александръ былъ склоненъ къ республиканизму и до конца жизни сохранилъ симпатіи къ конституціонализму, а рядомъ съ этимъ въ немъ жила и склонность къ автократіи и привязанность къ Аракчееву. Двойственность характера шла, такимъ образомъ, рядомъ съ двойственностью идей. Затѣмъ существеннымъ недостаткомъ того воспитанія, которое Екатерина II дала Александру, было то, что онъ не былъ воспитанъ достаточно русскимъ человѣкомъ; Россіи онъ почти не зналъ; онъ много зналъ по литературѣ и философіи иностранной и особенно изъ древней исторіи, что было обязательно для всякаго образованнаго человѣка, такъ какъ тогда идеалы черпали изъ исторіи Греціи и Рима; но Александръ I мало зналъ Россію; онъ позналъ Россію только тогда, когда сталъ государемъ, и въ особенности въ послѣдніе годы предъ отечественной войной. Затѣмъ нужно отмѣтить еще одинъ недостатокъ въ

его воспитаніи: это недостаточная заботливость о развитіи умственной трудоспособности; въ возрастѣ 16—17 лѣтъ его донимали ученіями, парадами, маневрами, но не находили нужнымъ побуждать его въ это время къ постоянному неустанному умственному труду и самообразованію; отсюда у Александра I до конца жизни осталось диллетантское отношеніе къ подлежащимъ изученію и разрѣшенію задачамъ.— Отличался Александръ I цѣнными положительными качествами,—живымъ и воспріимчивымъ умомъ, способностью отдаться высокимъ стремленіямъ и идеаламъ и быть великодушнымъ монархомъ. Онъ во всякомъ случаѣ стоялъ выше многихъ современныхъ ему монарховъ и государственныхъ людей. Будь на лицо сильная воля и систематичность образованія, онъ оставилъ бы еще болѣе глубокій слѣдъ въ жизни Россіи и современной Европы. Политическая школа восполнила въ нѣкоторой степени указанные недостатки,—мы видимъ, съ какою настойчивостью въ 1812 году онъ борется за независимость, достоинство и честь Россіи,—но она не въ состояніи была устранить ихъ совершенно. Надо помнить при этомъ, что въ 1807 году Александръ не былъ еще тѣмъ, чѣмъ сталъ въ 1812 году.

Полную противоположность Александру, склонному къ мечтательности и мистицизму, представлялъ собою Наполеонъ, человѣкъ строго опредѣленныхъ мыслей и знаній, врагъ всякой отвлеченности, или того, что онъ называлъ идеологіей. Крайне рѣдко встрѣчаются люди, которые могли бы работать и работали такъ много, какъ Наполеонъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить развѣ съ Фридрихомъ Великимъ, причемъ пальма первенства останется за Наполеономъ. Сну и ѣдѣ онъ отдавалъ очень мало времени; обыкновенно не болѣе 4—5 часовъ. Впрочемъ, никакой правильности у него въ этомъ отношеніи не было. То онъ ложился въ 8 часовъ вечера, то въ 4 или въ 5 часовъ утра, то онъ спалъ 8—10 часовъ, то вставалъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ заснулъ, и работалъ всю ночь напролетъ. Тоже и съ пищей. Иногда онъ ставилъ себѣ за правило обѣдать только тогда, какъ стемнѣетъ, но чаще часы обѣда зависѣли отъ желанія ѣсть. Во время консульства и немного позже онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть за столомъ не больше десяти минутъ; онъ вставалъ и для него обѣдъ кон-

чался. Это сначала стѣсняло его жену и лицъ, приглашенныхъ къ обѣду: они тоже вставали вмѣстѣ съ нимъ; но потомъ они предоставляли ему уходить, а сами продолжали обѣдъ. Впослѣдствіи, къ сорока годамъ онъ отяжелѣлъ; онъ больше времени отдавалъ сну и проявлялъ склонность хорошо поѣсть. Но и тогда онъ отдавалъ много времени работѣ. Во время консульства совѣты по разнымъ дѣламъ происходили иногда цѣлый день, чередуясь одинъ за однимъ, и нерѣдко захватывали и часть ночи. Безсмѣннымъ оставался въ этихъ засѣданіяхъ Наполеонъ, ибо онъ самъ предсѣдательствовалъ на нихъ и игралъ наиболѣе активную роль. Такъ какъ при вступленіи въ консульство онъ былъ весьма мало свѣдущъ по многимъ вопросамъ государственнаго управленія, то онъ въ этихъ засѣданіяхъ учился и государственному праву, и гражданскому, и уголовному, и финансамъ, и учился поразительно усердно и быстро. Онъ все выспрашивалъ, требовалъ объясненія словъ самыхъ употребительныхъ, которыя однако ему были неизвѣстны; онъ вызывалъ обсужденіе вопроса до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, и у него не составлялось объ немъ совершенно ясное и опредѣленное мнѣніе. Удовлетворить его въ этомъ отношеніи было не легко, потому что онъ не довольствовался поверхностнымъ изученіемъ дѣла. Такъ какъ онъ не прекращалъ засѣданія до тѣхъ поръ, пока дѣло не выяснилось окончательно, то иногда оно длилось 8—10 часовъ съ перерывомъ на четверть часа. Послѣ такихъ засѣданій онъ велъ другія, которыя затягивались иногда до пяти часовъ утра. Иные члены совѣта, измученные напряженной умственной работой, изнемогали, но никогда не замѣчали, говоритъ Шапталь (министръ Наполеона), чтобы Наполеонъ уставалъ, не видали въ немъ никакихъ признаковъ утомленія духа. Онъ будилъ своихъ уснувшихъ коллегъ, приговаривая: „ну, ну, гражданинъ, надо зарабатывать тѣ деньги, которыя намъ платятъ“. Бывало нерѣдко, что послѣ такихъ засѣданій онъ у себя продолжалъ работать, отдавая сну и ѣдѣ лишь нѣсколько минутъ въ сутки, а остальное время проводя въ работѣ.

Умственная неутомимость шла рука объ руку съ неутомимостью физическою. Наполеонъ могъ проводить въ движеніи 6—8 часовъ, не чувствуя никакой усталости. Бы-

вало, что онъ проводилъ на лошади 12—14 часовъ, не слѣзая, причемъ онъ обладалъ какою то изумительною способностью задерживать свои потребности. Онъ самъ вспоминалъ, какъ онъ сражался пять сутокъ подрядъ съ Альвинци, не смыкая глазъ, не раздѣваясь и почти не слѣзая съ лошади. Но за то, разбивъ его и сдѣлавъ распоряженіе о преслѣдованіи, онъ проспалъ 36 часовъ кряду *). И позже физическая неутомимость Наполеона сохранилась если и не въ томъ же объемѣ, то все же въ значительной степени. Когда онъ вернулся изъ Польши въ 1812 году, проскакавъ три недѣли, нигдѣ не останавливаясь, онъ тотчасъ же созвалъ совѣтъ министровъ и на засѣданіи былъ вполнѣ бодръ, выказывалъ такую послѣдовательность и силу мысли, какъ будто онъ провелъ ночь спокойно въ своей комнатѣ.

Неисчерпаемость физической и нравственной энергіи сочетались съ богатыми способностями. Память Наполеона и сила его мысли были колоссальны. Развѣ только голова Цезаря можетъ идти въ сравненіе съ его головой, говоритъ Тэнъ. Память его заключала въ себѣ всѣ данныя, касавшіяся военной и гражданской части управленія, заключала въ себѣ обширный каталогъ съ біографическими данными о всѣхъ болѣе выдающихся лицахъ. Онъ помнилъ во всѣхъ подробностяхъ дислокацію всѣхъ своихъ полковъ, ихъ численный составъ и составъ корпуса офицеровъ каждаго полка. Однажды генералъ Дежанъ представилъ ему вѣдомость продовольствія войскъ въ пути. Наполеонъ остановился на одной статьѣ о расходѣ въ 1230 раціоновъ, выданныхъ какому то полку въ Фонтенэ. „Тутъ ошибка, сказалъ онъ. Этотъ полкъ не былъ въ Фонтенэ. Онъ былъ тогда въ Рошфорѣ, а оттуда двинулся въ Испанію и черезъ Фонтенэ не проходилъ“. Бюджеты со всѣми подробностями по приходу и расходу помѣщались въ его головѣ, какъ въ какой нибудь громадной книгѣ съ тою только разницею, что найти ихъ въ головѣ было гораздо легче, чѣмъ въ книгѣ. Въ своей головѣ онъ съ поразительною легкостью находилъ то, что ему было надо. Поэтому вѣроятно онъ охотно читалъ разныя вѣдомости и читалъ ихъ съ такой легкостью,

---

*) Сраженіе при Арколѣ продолжалось три дня съ 15 по 17 ноября 1796 г., вѣроятно въ счетъ вошло движеніе отъ Мантуи.

какъ мы читаемъ повѣсти и романы. Иногда послѣ сраженія, отдыхая послѣ него, онъ принимался за это чтеніе. Съ такою же легкостью и прочностью располагались у него въ головѣ и разныя біографическія данныя. Онъ легко вспоминалъ лицъ, когда либо имъ узнанныхъ и съ точностью опредѣлялъ ихъ участіе въ общественныхъ событіяхъ. Нерѣдко бывало, что люди, имъ разъ видѣнные, оставались у него въ памяти. Такъ, уже въ концѣ Имперіи, во время представленія новыхъ членовъ Законодательнаго Корпуса, Наполеонъ неожиданно обращается къ одному изъ депутатовъ съ вопросомъ о томъ, какъ поживаютъ его дочери. По поводу удивленія послѣдняго тому, что Императоръ знаетъ его семью, Наполеонъ объяснилъ ему, что когда въ 1800 году онъ шелъ походомъ въ Италію и долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время, такъ какъ дорога была загромождена артиллеріей, онъ стоялъ около его дома и видѣлъ его и его двухъ дѣвочекъ, которыя играли у воротъ.

Особенно сильна была у него топографическая память. Онъ представлялъ себѣ по картѣ мѣстность совершенно такъ, какъ въ натурѣ, со всѣми ручейками, оврагами и горами, дорогами и тропинками. Эти изумительныя размѣры памяти комбинировались съ поразительною живостью воображенія. Онъ съ такой отчетливостью представлялъ себѣ наиболѣе обширныя комбинаціи положеній и движеній войскъ, какъ будто они находились всѣ предъ его глазами. Отсюда понятно превосходство его надъ противниками въ стратегическихъ соображеніяхъ. При такихъ интеллектуальныхъ качествахъ трудолюбіе Наполеона и его неутомимость въ трудѣ могли быть и дѣйствительно были богаты результатами. Имъ обязана Франція огромною организаціонною работою, совершенною ею во время консульства. Съ такими памятью и воображеніемъ работать было легко. Разные предметы и дѣла, говоритъ Тэнъ, были разложены въ его головѣ, какъ въ шкафу съ видвижными ящиками. „Когда я хочу прервать какое нибудь дѣло, говаривалъ Наполеонъ, я запираю его ящикъ и открываю ящикъ съ другимъ дѣломъ. Они никогда не смѣшиваются одно съ другимъ и не стѣсняютъ меня и не утомляютъ. Захотѣлось мнѣ спать—я затворяю всѣ ящики и сейчасъ же засыпаю".

Сила характера Наполеона соотвѣтствовала его боль-

шимъ способностямъ. Говоря о характерѣ Наполеона не нужно представлять его себѣ такъ, какъ изображали его въ его время противники, и даже не въ его время, но и послѣ того, какъ онъ былъ низвергнутъ съ престола. Представляли его извергомъ естества, исчадіемъ революціи; напротивъ, слѣдуетъ сказать, что по своимъ личнымъ качествамъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей тогдашней Франціи. Наполеонъ отличался большой силой чувства, сильной привязанностью къ друзьямъ: онъ никогда не забывалъ своихъ прежнихъ друзей, когда сдѣлался императоромъ; съ маршаломъ Ланномъ онъ до послѣднихъ минутъ оставался на ты, помня въ немъ друга и боевого товарища. Горючими слезами оплакивалъ онъ смерть этого друга, павшаго въ бою при Аспернѣ (1809 г.). Онъ никогда не забывалъ услугъ, когда либо ему оказанныхъ; также стойка была въ немъ и память о причиненныхъ ему непріятностяхъ. Говорятъ: кто не умѣетъ ненавидѣть, тотъ не умѣетъ и любить. На Наполеонѣ эта поговорка оправдывается.—Выдающимися чертами характера Наполеона были: честолюбіе, властолюбіе и стальная сила воли. Честолюбіе Наполеона было огромно. Оно было его всепоглощающею страстью. „У меня нѣтъ честолюбія, говорилъ онъ Редереру, или, если оно у меня есть, то оно до такой степени присуще моей природѣ, до такой степени врождено мнѣ, такъ связано съ моимъ существованіемъ какъ кровь, текущая въ моихъ жилахъ, какъ воздухъ, которымъ я дышу“. При такомъ положеніи онъ могъ и не замѣчать своего честолюбія. Характерное свидѣтельство о своемъ честолюбіи онъ высказалъ адмиралу Декре: „Я явился слишкомъ поздно; нельзя сдѣлать ничего великаго. Я согласенъ, моя карьера хороша, я прошелъ прекрасный путь. Но какая разница съ древностью! Вспомните Александра Македонскаго: когда онъ завоевалъ Азію и объявилъ себя сыномъ Юпитера, то за исключеніемъ Олимпія, который зналъ, какъ къ этому относиться, да еще Аристотеля и нѣсколькихъ аѳинскихъ педантовъ, весь Востокъ ему повѣрилъ. Ну, а если бы я вздумалъ объявить себя сыномъ Предвѣчнаго и сказать, что я въ качествѣ такового воздамъ ему поклоненіе? Вѣдь послѣдняя торговка захохочетъ мнѣ въ глаза. Народы слишкомъ просвѣщены теперь; нечего больше дѣлать“. Иногда людей съ такимъ непомѣрнымъ

честолюбіемъ объявляютъ сумасшедшими, иногда предъ ними преклоняются.

Властолюбіе Наполеона не ограничивалось подчиненіемъ лицъ окружающихъ, ни даже предѣлами Франціи. По мѣрѣ расширенія подчиняемаго круга росло и самое чувство, пока не дошло до идеи о монархіи Карла Великаго, а потомъ уже и до фантазіи о всемірной монархіи. Не смотря на положительныя свойства своего ума и на предпочтеніе реальнаго знанія такъ называемой идеологіи, Наполеонъ не былъ чуждъ фантазіи, которая была способна порою сильно увлекать его. Воспоминанія о Карлѣ Великомъ и мечты о подвигахъ Александра Великаго съ его идеями всемірной монархіи способны были увлекать его до того, что переставали для него быть только пріятными мечтами, и мысль о походѣ въ Индію становилась для него дѣломъ практической политики. Безконечное трудолюбіе, огромныя способности, большія общественныя заслуги побуждали современниковъ преклоняться предъ Наполеономъ и идти за нимъ, пока онъ не ушелъ въ область химеры; но въ особенности обусловливалось это преклоненіе силой воли. Это была сталь такого закала, разбить которую ничто не могло, развѣ только смерть, сопротивляться которой ничто не въ силахъ. Эта волевая сторона характера Наполеона сквозила въ его личности и впередъ покоряла ему людей, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. И вѣдь нельзя сказать, чтобы эта фигура была значительна. Маленькій, худенькій человѣкъ, про котораго можно сказать: въ чемъ только душа держится, неловкій въ движеніяхъ,—таковъ былъ Наполеонъ, когда впервые выступилъ на историческое поприще и прославилъ себя итальянской кампаніей 1796/97 года. Тэнъ такъ характеризуетъ Наполеона по портрету Герена: „Посмотрите на это исхудалое тѣло, на эти узкія плечи въ форменномъ сюртукѣ, измятомъ рѣзкими движеніями, на эту шею, обернутую широкимъ смятымъ галстухомъ, на эти впалые виски, прикрытые длинными прямыми волосами, ниспадающими на плечи; ничто не поражаетъ, кромѣ лица (masque): эти жесткія черты, рѣзко обозначенныя глубокими контрастами свѣта и тѣни; эти впалыя щеки съ углубленіями, доходящими до внутреннихъ угловъ глазъ; эти выдавшіяся скулы; этотъ подбородокъ большой и выдающій-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ся; эти тонкія и подвижныя губы, сжатыя напряженнымъ вниманіемъ; эти большія свѣтлыя глаза, глубоко сидящія въ орбитахъ; этотъ пристальный, косой взглядъ, пронизывающій, какъ стрѣла; эти глубокія морщины, идущія вверхъ по лбу отъ переносицы и говорящія о движеніи гнѣва, сдержаннаго напряженіемъ воли. Прибавьте къ этому то, что видѣли и слышали современники: отрывистый голосъ, быстрый и рѣзкій жестъ, испытующій и повелительный тонъ, не допускающій возраженія, и вы поймете, почему они, едва успѣвъ подойти къ нему, уже чувствуютъ на себѣ его властную руку, которая опускается на нихъ, сгибаетъ ихъ, сжимаетъ и ужъ больше не выпуститъ".—Воображеніе не обмануло Тэна. Характеръ впечатлѣнія, производимаго Наполеономъ на окружающихъ, переданъ имъ вѣрно. Свидѣтельства современниковъ подтверждаютъ нарисованную имъ картину. Маршалъ Массена разсказывалъ Шапталю про свое первое свиданіе съ Наполеономъ. Это было, когда онъ пріѣхалъ въ Италію въ качествѣ главнокомандующаго. Когда генералы увидѣли его въ первый разъ, они готовы были составить объ немъ невысокое мнѣніе. Его невзрачный видъ, крайняя молодость, то, что онъ часто держалъ въ рукахъ портретъ жены, все это, говорилъ Массена, побудило насъ думать, что это назначеніе дѣло интриги. Но когда онъ началъ распрашивать, а потомъ излагать свои предположенія, то онъ какъ будто выросъ на два фута, и мы удалились съ убѣжденіемъ, что у насъ есть наконецъ настоящій начальникъ.—Передъ самой аудіенціей подъ вліяніемъ предположенія, что Бонапартъ—это мальчишка, бульварный генералъ, которымъ парижскіе интриганы наградили итальянскую армію, Ожеро похвалился, что онъ оборветъ этого выскочку. Ожеро, этотъ бывшій извощикъ, былъ человѣкъ не робкаго десятка и самъ однимъ своимъ ростомъ и силой могъ внушить страхъ. Но дѣло вышло совсѣмъ иначе. Когда генералы собрались, ихъ ввели. Бонапартъ заставилъ себя подождать. Наконецъ онъ выходитъ, застегиваетъ портупею, надѣваетъ шляпу, объясняетъ диспозицію и даетъ свои приказанія. Ожеро не проронилъ ни слова: только уже на дворѣ онъ пришелъ въ себя и вспомнилъ свои обычныя ругательства. Онъ сознался, что этотъ маленькій генералъ нагналъ на него страху; онъ не могъ дать себѣ отчета въ

томъ вліяніи, которое его какъ будто придавило съ перваго же его взгляда. Другой современникъ, секретарь папской легаціи, сравнивалъ Наполеона съ тигромъ. Онъ говорилъ: „Знаете я очень люблю этого милаго генерала; но про себя, совсѣмъ тихо, я его называю маленькимъ тигромъ, чтобы хорошо характеризовать его ростъ, силу, цѣпкость, бодрость, живость, его скачки и все, что есть въ немъ такого, что можно принять въ этомъ смыслѣ".

Не слѣдуетъ думать однако, что только чувство страха овладѣвало людьми, которые приходили въ соприкосновеніе съ Наполеономъ. Можно было бы привести множество свидѣтелей изъ французовъ, нѣмцевъ и англичанъ, изъ людей разныхъ общественныхъ положеній, начиная съ солдатъ и кончая генералами, министрами и профессорами, которые говорятъ намъ, что этотъ человѣкъ умѣлъ очаровывать людей своей бесѣдой, простотой въ обращеніи и умѣніемъ быстро входить въ сущность предмета и высказываться объ немъ оригинально и умно. Приведемъ показаніе человѣка, который скорѣе былъ настроенъ противъ Наполеона. Капитанъ англійскаго корабля „Белерофонъ", на которомъ Наполеонъ очутился въ качествѣ плѣнника послѣ отреченія, говоритъ, что хотя ему, какъ англійскому офицеру, неудобно хвалить злѣйшаго врага своей страны, но этотъ человѣкъ въ такой степени обладалъ даромъ нравиться, что не найдется человѣка, который бы какъ я, садясь съ нимъ за столъ болѣе мѣсяца, не проникнулся къ нему сочувствіемъ, видя, что человѣкъ, обладающій такими обворожительными качествами, доведенъ до такого положенія, въ которомъ я его видѣлъ.

Мы упомянули выше, что Александръ I съ перваго же свиданія поддался обаянію Наполеона, не смотря на свои предубѣжденія противъ него. Само собою разумѣется, что впечатлительность натуры Александра играла въ этомъ обаяніи не малую роль, но еще большая доля должна быть отнесена на свойства натуры Наполеона, а также и на то, что въ данномъ случаѣ онъ хотѣлъ нравиться Александру. Онъ смотрѣлъ на русскій союзъ, какъ на краеугольный камень своей будущей политики. Еще при Павлѣ I онъ добивался его, теперь онъ не хотѣлъ упустить его изъ рукъ и потому старался сблизиться съ Александромъ, да къ тому же послѣдній ему нравился. Изъ переговоровъ государей и

ихъ министровъ вытекъ тильзитскій договоръ о мирѣ и союзѣ. По этому договору Россія не понесла никакого территоріальнаго ущерба; напротивъ, изъ владѣній Пруссіи ей былъ уступленъ Бѣлостокъ съ его округомъ. Вся тяжесть пораженія легла на Пруссію. Наполеонъ не прочь былъ бы вовсе уничтожить Пруссію. Сдѣлать это для него не представляло особеннаго труда, такъ какъ военное могущество Пруссіи было разрушено; но Александръ I энергично защищалъ Пруссію; ему трудно было забыть прежнія отношенія съ прусскимъ королемъ и ту клятву, которую онъ произнесъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ надъ гробницей Фридриха II-го. Будучи вынужденъ нарушить клятву, императоръ Александръ старался уменьшить то несчастіе, которое постигло Пруссію. Отъ Пруссіи были взяты всѣ владѣнія на Западъ отъ Эльбы и отрѣзаны всѣ польскія владѣнія, которыя достались ей по второму и третьему раздѣламъ, и это былъ самый большой кусокъ изъ земель собственно польскихъ. Изъ этихъ владѣній было образовано герцогство Варшавское, которое было присоединено къ курфюршеству саксонскому на началахъ личной уніи. Александръ призналъ завоеванія Франціи и сбразованныя Наполеономъ королевства, а его самого призналъ императоромъ французовъ. Дополненіемъ Тильзитскаго мира явилось заключеніе союза противъ Англіи съ присоединеніемъ Россіи къ континентальной системѣ; Наполеонъ отказался отъ союза съ Турціей и Швеціей и обязался не препятствовать Россіи овладѣть Молдавіей и Валахіей, а также Финляндіей. Таковы были условія Тильзитскаго мира, на которыя оба императора смотрѣли, какъ на залогъ крѣпкаго союза; но въ этомъ самомъ актѣ заключаются тѣ пункты, которые дѣлали этотъ союзъ слабымъ и въ будущемъ должны были разрушить его вмѣсто того, чтобы поддержать. Первымъ такимъ пунктомъ являлось образованіе герцогства Варшавскаго. Только 15 лѣтъ прошло со времени третьяго раздѣла Польши, только 15 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ прекратило свое существованіе Польское Королевство, и теперь оно воскресаетъ подъ видомъ Варшавскаго герцогства. Правда, значительная часть польскихъ земель осталась у Австріи—теперешнія Люблинская, Кѣлецкая, Сѣдлецкая губерніи, Галиція, Краковъ,—Литовскія земли Волынь и Подолія и Бѣлоруссія оставались за Россіей, но

все таки большая область получила политическое бытье. Ни Наполеонъ, ни Александръ не смотрѣли на образованіе Варшавскаго герцогства, какъ на шагъ къ возстановленію Польскаго Королевства. Въ сущности говоря, разъ эти земли отнимались отъ Пруссіи, ихъ нельзя было не поставить въ особое положеніе. Наполеонъ зналъ традиціонныя отношенія Франціи къ Польшѣ и изъ образованія этой автономной области создавалъ себѣ стратегическій пунктъ на случай возможнаго столкновенія съ Россіей и сторожевой пунктъ противъ Пруссіи хотя и ослабленной, но не уничтоженной. Александръ не былъ врагомъ поляковъ, напротивъ Чарторыйскій былъ его близкимъ другомъ; онъ относился съ негодованіемъ къ раздѣламъ Польши и потому теперь отнесся равнодушно къ образованію Варшавскаго герцогства. Но не таково было впечатлѣніе этого факта въ Россіи. Едва прошло пятнадцать лѣтъ, какъ вѣковой споръ Россіи съ Польшей кончился гибелью послѣдней. Это слишкомъ малый срокъ для того, чтобы затихли прежнія чувства, а съ точки зрѣнія послѣднихъ возстановленіе политическаго бытья хотя бы части Польши вѣяло опасностью для спокойнаго владѣнія другими областями послѣдней, доставшимися Россіи и составлявшими съ нею національное цѣлое. Поэтому этотъ пунктъ Тильзитскаго мира встрѣченъ былъ въ Россіи враждебно и съ опаской, и впослѣдствіи Александръ не могъ не поддаться этому настроенію. Поэтому образованіе Варшавскаго герцогства, вызывая опасенія русскаго общества и недовѣріе къ замысламъ Наполеона, хотя на самомъ дѣлѣ и не существовавшимъ, сдѣлалось ахиллесовой пятой русско-французскаго союза.

Другою слабою его стороною, хотя менѣе важной, была континентальная система. Дальше я подробнѣе буду говорить о континентальной системѣ, а теперь скажу лишь, что для Россіи прекращеніе торговыхъ сношеній съ Англіей было невыгодно и тяжело. Русскіе товары были такого рода, что требовали морской перевозки; Англія представляла для нихъ большой естественный рынокъ, лишаться котораго Россіи было очень тяжело; а между тѣмъ континентальная система была условіемъ, тѣсно связаннымъ съ союзнымъ договоромъ. Съ точки зрѣнія Наполеона борьба съ Англіей была началомъ и концемъ его политики. Побѣды

надъ этимъ „всемірнымъ ростовщикомъ“ и ослабленія его онъ желалъ страстно, всѣми силами души. Во всякой коалиціи, которая составлялась противъ Франціи, главнымъ двигателемъ была Англія. Ненависть Наполеона къ Англіи создана была еще корсиканскими отношеніями. Тогда еще онъ былъ ярымъ противникомъ Англіи и французскимъ патріотомъ. Это чувство его къ Англіи совпадало съ традиціонною враждою къ ней Франціи. Когда Александръ вернулся въ Петербургъ, онъ не могъ не почувствовать, что то, что произошло въ Тильзитѣ, не одобряется русскимъ обществомъ, по крайней мѣрѣ тою частью его, которая въ лицѣ высшей аристократіи могла оказывать вліяніе на ходъ политики. Французскій посолъ Коленкуръ сдѣлался очень близкимъ человѣкомъ къ Александру, настолько близкимъ, что Наполеонъ говорилъ ему: „Вы стали русскимъ“; но тотъ же Коленкуръ доносилъ Наполеону, что, не взирая на близость къ Александру, петербургское общество его чуждается. Оно видѣло опасность въ образованіи Варшавскаго герцогства и враждебно относилось къ сближенію съ Наполеономъ и Франціей, какъ представителями революціи. Общественное настроеніе не могло не отзываться на Александрѣ и ослабляло въ немъ преданность союзу и увлеченіе Наполеономъ, вывезенныя имъ изъ Тильзита и очень сильныя въ первое время послѣ этого свиданія.

Между тѣмъ примѣненіе континентальной системы повлекло за собою столкновеніе съ Испаніей, не желавшей отказаться отъ торговыхъ сношеній съ Англіей. Низложеніе испанскаго короля Фердинанда VII не только не разрѣшило затрудненія, но еще увеличило его. Вспыхнуло задѣтое національное чувство и, вмѣсто правительства, Наполеону пришлось имѣть дѣло съ народомъ, и тутъ онъ впервые встрѣтилъ препятствіе, съ которымъ не могъ справиться. Чтобы углубиться въ эту упорную борьбу, ему нужно было быть покойнымъ за свой тылъ со стороны Австріи. Послѣдняя начала вооруженія. Обезпеченіе противъ нападенія послѣдней лежало въ укрѣпленіи союза съ Россіей. Отсюда потребность въ новомъ соглашеніи, средствомъ къ достиженію котораго должно быть Эрфуртское свиданіе.

Едва годъ прошелъ со времени тильзитскихъ ночей,

когда Наполеонъ и Александръ были въ упоеніи отъ своихъ безконечныхъ бесѣдъ, а перемѣна въ настроеніи Александра оказалась настолько значительною, что Наполеонъ сразу ее почувствовалъ. Онъ замѣтилъ, что онъ не относится къ нему съ прежнимъ довѣріемъ, что, напротивъ, въ немъ есть какая то подозрительность, причины которой онъ угадать не могъ.

Онъ обратился къ Коленкуру, жаловался ему на это отношеніе и спросилъ объясненія такой перемѣны. Коленкуръ мужественно отвѣтилъ Наполеону, что всякій считаетъ себя угрожаемымъ, и что Россія начинаетъ раздѣлять это всеобщее чувство. „Что же мнѣ приписываютъ?“ „Желаніе господствовать одному“. „Значитъ мнѣ приписываютъ честолюбивые замыслы“ возразилъ Наполеонъ, „но Франція достаточно велика, чего мнѣ еще больше желать?... Это все испанскія дѣла виноваты“. Въ другой разъ, говоря съ Коленкуромъ о своихъ переговорахъ съ Александромъ, Наполеонъ сказалъ ему: „Вашъ императоръ упрямъ какъ мулъ, онъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ, когда не хочетъ слышать“ и переходя опять къ несчастнымъ испанскимъ дѣламъ, онъ воскликнулъ: „эта испанская чертовщина мнѣ дорого стоитъ“. Дѣйствительно испанскія дѣла стояли поперекъ его политики. Они поднимали Австрію, подталкиваемую Англіей, они же вызывали подозрительность Александра I и побуждали его держаться на сторожѣ. Три вопроса были предметомъ переговоровъ: Финляндскій, Турецкій и Австрійскій. Первые два вопроса не встрѣчали затрудненій: Наполеонъ соглашался, какъ и прежде, на завоеваніе Россіею Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ съ лѣвымъ берегомъ Дуная; но Австрійскій вопросъ былъ предметомъ большого разногласія. Наполеонъ справедливо доказывалъ, что Австрія готовится къ войнѣ, что тѣ вооруженія, которыя она ведетъ, не могутъ быть длящимися, ибо она не можетъ ихъ выдержать, что поэтому самый фактъ наличности такой вооруженной силы заставитъ ее открыть военныя дѣйствія и напасть на Францію. Поэтому онъ предлагалъ сдѣлать коллективное обращеніе къ Австріи съ требованіемъ разоруженія и поставить это требованіе въ видѣ ультиматума. Александръ доказывалъ, что Наполеонъ ошибается, приписывая Австріи агресивные замыслы, и не соглашался на принудительныя по отношенію къ ней дѣйствія. Онъ не договаривалъ при этомъ,

что онъ не желаетъ обезсиливать Австрію, какъ возможнаго союзника противъ властолюбивыхъ замысловъ Наполеона, и это недоговариваемое лишало его доводы убѣдительности и обостряло разговоры. Разъ дошло до того, что Наполеонъ вспылилъ и, бросивъ свою шляпу на полъ, сталъ топтать ее. Александръ тотчасъ же остановился, посмотрѣлъ въ упоръ, улыбаясь, на своего собесѣдника и, помолчавъ нѣсколько мгновеній, сказалъ совершенно спокойно: „Вы рѣзки, а я упрямъ; со мною гнѣвомъ ничего нельзя сдѣлать. Будемъ разсуждать и разговаривать, или я ухожу", и онъ направился къ двери. Ничего не оставалось дѣлать Наполеону, какъ успокоиться, и разговоръ продолжался въ покойномъ и даже дружественномъ тонѣ. И тѣмъ не менѣе въ главномъ, съ точки зрѣнія Наполеона, австрійскомъ вопросѣ онъ не приводилъ ни къ какому положительному результату. Наполеонъ удивлялся упорству Александра I, не видя серьезныхъ аргументовъ, оправдывавшихъ это упорство. Онъ не зналъ одного обстоятельства, которое могло ему открыть глаза на причину этого упорства. Я разумѣю тѣ внушенія, которыя дѣлалъ относительно политики Наполеона Александру министръ Франціи Талейранъ. Въ теченіе всей своей политической карьеры этотъ человѣкъ, бывшій епископъ Отенскій, умѣлъ раньше чѣмъ кто либо чуять поворотъ политическаго настроенія и прилаживаться къ тому теченію, начало котораго еще никто не замѣчалъ. Такъ было и теперь. Наполеонъ находился въ полномъ блескѣ силы и славы, а Талейранъ уже почувствовалъ, что въ Европѣ начинается глухое броженіе противъ честолюбія и властолюбія императора французовъ, и что въ самой Франціи чувствуется утомленіе отъ постоянныхъ новыхъ войнъ, которымъ изъ за испанскихъ дѣлъ и конца не предвидѣлось. Талейранъ учелъ этотъ поворотъ, котораго еще никто не замѣчалъ и рѣшилъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы Наполеона и обезпечить себѣ, такъ сказать, союзъ Европы и расположеніе Александра. Онъ имѣлъ съ послѣднимъ тайныя свиданія, на которыхъ онъ старался внушить ему, что намѣренія Наполеона относительно Австріи диктуются только его честолюбіемъ и что въ сущности никакой опасности со стороны Австріи не предвидится. Онъ ставилъ на видъ императору, что ослабленіе Австріи лишитъ Россію послѣдняго оплота противъ власто-

любія Наполеона и потому совѣтовалъ не соглашаться на разоруженіе Австріи. Этими внушеніями возбуждена была природная подозрительность Александра, онъ сталъ видѣть въ домогательствахъ Наполеона подвохъ и упорно уклонялся отъ согласія на совмѣстное требованіе отъ Австріи разоруженія. Всѣ переговоры относительно Австріи кончились тѣмъ, что императоры согласились написать австрійскому императору письма, въ которыхъ рекомендовали ему сохраненіе мира. Эти письма тѣмъ менѣе могли произвести должное впечатлѣніе, что Талейранъ сообщилъ австрійскому министру Меттерниху о перемѣнѣ въ настроеніи Александра по отношенію къ Наполеону и далъ понять, что Россія не будетъ его поддерживать противъ Австріи.

Изъ всѣхъ изложенныхъ данныхъ явствуетъ, что на союзѣ Россіи и Франціи въ Эрфуртѣ образовался надломъ, небольшая, едва замѣтная трещинка, которая однако могла стать опасною для всего зданія. Наполеонъ чувствовалъ, что что-то надломилось и не безъ смущенія взиралъ на будущее франко-русскихъ отношеній. Это отразилось на его настроеніи, когда онъ простился съ императоромъ Александромъ. Когда удалились экипажи, въ которыхъ уѣзжали русскій царь и его свита, Наполеонъ повернулъ лошадь назадъ и поѣхалъ шагомъ, низко опустивъ голову, сильно задумавшись и съ отпечаткомъ грусти на лицѣ. Чувствовалъ ли онъ, что эта „испанская чертовщина“ повлечетъ за собою войну съ Австріей, что эта война даже при удачѣ будетъ фатальною для союза съ Россіей и превратитъ союзъ въ соперничество и приведетъ къ борьбѣ съ нею? Въ Эрфуртѣ онъ искалъ мира, мира съ Англіей, мира съ Австріей и укрѣпленія союза съ Россіей, и онъ не нашелъ того, чего искалъ. Союзъ съ Россіей, какъ будто укрѣпился рядомъ соглашеній, но на самомъ дѣлѣ онъ ослабѣлъ. Въ Эрфуртѣ Наполеонъ пришелъ на вершину своего могущества и своей славы; съ этого момента начинается движеніе внизъ. Но все это видно теперь, намъ, потомкамъ, когда изслѣдованы архивы и собраны показанія современниковъ,—участниковъ политическихъ событій. Тогда, въ моментъ совершенія послѣднихъ ничего этого не было видно. Наружность отношеній двухъ главныхъ дѣятелей на политической сценѣ не проявляла происходившихъ разногласій; напротивъ, она говорила о тѣсной дружбѣ и

сердечныхъ симпатіяхъ. Эрфуртское свиданіе сопровождалось огромнымъ съѣздомъ государей, что придавало ему сильный блескъ. Смотры, парады, великолѣпные охоты и балы смѣняли другъ друга, ослѣпляя присутствующихъ своимъ великолѣпіемъ. Для спектаклей была выписана труппа знаменитой Французской Комедіи. Оба императора присутствовали на этихъ зрѣлищахъ и не упускали случая демонстрировать взаимныя симпатіи. 4-го октября давали „Эдипа“ Вольтера. Когда актеръ произнесъ фразу: „дружба великаго человѣка —благодѣяніе боговъ“, Александръ всталъ съ своего кресла и, взявъ руку Наполеона, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, сердечно пожалъ ее. Бурныя рукоплесканія подчеркнули эту демонстрацію. Въ другой разъ на представленіи „Смерть Цезаря“, знаменитый трагикъ Тальма произнесъ фразу: „надъ подчиненнымъ міромъ будемъ править безъ насилія“, публика подчеркнула эту фразу, какъ намекъ на господство двухъ современныхъ властителей. На балахъ оба государя всегда были вмѣстѣ, и если Наполеонъ не могъ блистать въ танцахъ, то, напротивъ, Александръ приводилъ въ восторгъ своей граціей и умѣніемъ танцовать. Словомъ, эрфуртское свиданіе слѣпило современниковъ своимъ великолѣпіемъ, грандіозностью, проявленіемъ могущества и славы и крѣпости узъ, соединявшихъ союзниковъ; но главныя дѣйствующія лица знали истинное положеніе дѣлъ и невольно поддавались чувству неудовлетворенности и разочарованія.

Когда Талейранъ увѣрялъ Александра I, что австрійцы вооружаются только для обороны и когда онъ самъ такъ думалъ, онъ ошибался. Когда онъ непозволительнымъ образомъ разоблачилъ Меттерниху секретъ дѣйствительныхъ отношеній между Наполеономъ и Александромъ и пояснилъ, что послѣдній не будетъ помогать первому противъ Австріи, онъ тѣмъ самымъ открылъ ей дверь для нападенія на Францію. Какъ только Австрія освѣдомилась обо всемъ этомъ, она обратилась за субсидіей къ Англіи и въ свою очередь увѣдомила ее объ истинномъ политическомъ положеніи. Поэтому совмѣстное обращеніе Наполеона и Александра къ Англіи въ пользу мира, не смотря на всю его твердость, не имѣло никакого успѣха.

Пользуясь тѣмъ, что силы Наполеона были заняты въ

Испаніи, Австрія объявила ему войну. Коленкуръ немедленно обратился къ императору Александру съ просьбой исполнить союзническія обязанности, посылкой войскъ въ Галицію. Александръ долго медлилъ, отговариваясь тѣмъ, что у него и такъ двѣ войны на рукахъ. Франціи пришлось воевать одной. Прошло пораженіе Наполеона австріійцами при Аспернѣ (Эсслингенъ 20—21 мая), наступилъ разгромъ австрійской арміи при Ваграмѣ (5-го іюля), пока русскій корпусъ подъ начальствомъ Голицына вошелъ въ предѣлы Галиціи, да и то дѣйствія его противъ австрійцевъ носили фиктивный характеръ. Произошла только одна стычка ночью, по ошибкѣ, въ которой было убито три австріійца и ранено четверо. Обѣ стороны тщательно избѣгали сраженія. За то съ польскими войсками у русскихъ не разъ чуть не доходило до рукопашной. Голицынъ писалъ, что онъ больше боится своихъ союзниковъ, чѣмъ противниковъ. Въ то время, какъ между русскими и австрійцами происходила какъ бы игра въ прятки, польскія войска подъ начальствомъ Домбровскаго и Понятовскаго энергично дѣйствовали противъ австрійцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ Шварценберга и, нанеся имъ нѣсколько пораженіій, оттѣснили ихъ къ Кракову. При видѣ этого движенія русскіе сразу просыпаются отъ своей летаргіи и быстрыми переходами тоже направляются къ Кракову и приходятъ туда одновременно съ войсками герцогства Варшавскаго и занимаютъ городъ совмѣстно съ ними. Въ этомъ энергичномъ движеніи сказалось опасеніе усиленія Варшавскаго герцогства на счетъ Австріи. Но пассивное отношеніе Россіи къ войнѣ и уклоненіе ея отъ исполненія своихъ обязанностей, какъ союзника Франціи, открывали путь къ такому увеличенію, а дальнѣйшая политика Россіи въ ликвидаціи австрійской войны сдѣлала это увеличеніе неизбѣжнымъ, Ничто не мѣшало русскому корпусу быстрымъ движеніемъ занять всю Галицію и Малую Польшу съ Краковомъ и тѣмъ создать себѣ положеніе, характеризуемое поговоркой beati possidentes. Это имѣло бы большое значеніе при заключеніи мира. Наполеонъ впослѣдствіи говорилъ, что въ такомъ случаѣ вся Галиція осталась бы за нею. Россія, какъ мы видѣли, не желала ослабленія Австріи; но таковое становилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея пораженія и того обстоятельства, что она сама была въ роли

нападающей стороны. Какъ бы то ни было, своей военной стратегіей Россія сама привела поляковъ къ стѣнамъ Кракова а, приведя, испугалась этого и поспѣшила войти туда и стать съ ними въ неудобное положеніе совладѣльца. Когда начались переговоры о мирѣ, Наполеонъ неоднократно обращался къ Александру съ просьбой указать, что онъ желаетъ получить въ вознагражденіе за участье въ войнѣ. На эти вопросы Коленкура императоръ Александръ обыкновенно уклонялся отъ отвѣта или же давалъ ихъ въ самомъ неопредѣленномъ видѣ, высказывая только надежду на то, что Наполеонъ не сдѣлаетъ ничего такого, чтобы нарушило интересы Россіи. Разъ только онъ, выслушавъ соображенія Коленкура о томъ, что Наполеонъ не можетъ своихъ союзниковъ въ Галиціи снова возвратить Австріи, предать ихъ мщенію послѣдней за то содѣйствіе, которое они оказывали Франціи, высказался, что онъ въ принципѣ не возражаетъ противъ увеличенія герцогства Варшавскаго на счетъ Австріи. Вслѣдствіе этого условія Вѣнскаго мира были формулированы безъ участія Россіи. На основаніи этого трактата герцогство Варшавское было усилено областью съ полутора милліоннымъ населеніемъ; она заключала теперешнія часть Сѣдлецкой губерніи, Люблинскую, Радомскую и Кѣлецкую. Россія получила часть восточной Галиціи съ четырьмя стами тысячъ населенія.—Условія Вѣнскаго мира произвели сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Уже занятіе Кракова войсками герцогства Варшавскаго и недоразумѣнія, происшедшія тамъ съ войсками русскими, вызвали въ высшемъ русскомъ обществѣ бурю негодованія, которое высказывалось не только противъ французскаго посланника, но даже и противъ самого императора Александра. Тогда была адресована Франціи нота, въ которой высказывались опасенія по поводу возбужденія поляковъ и требовались завѣренія въ томъ, что Польша не будетъ возстановлена. Въ чемъ должны быть эти гарантіи, нота не опредѣляла. Прекращеніе военныхъ дѣйствій, и переговоры о мирѣ нѣсколько успокоили это возбужденіе петербургскаго общества и тревогу русской дипломатіи; но условія Вѣнскаго мира снова усилили это безпокойство, и на этотъ разъ оно уже не прекращалось и росло впослѣдствіи все больше и больше.

Изъ изложеннаго видно, какъ во время австрійской

войны явно вскрылось то, что было въ зародышѣ въ Тильзитскомъ мирѣ,—это польскій вопросъ. Успѣхи польской арміи вызываютъ сильнѣйшее безпокойство русскихъ политиковъ, а значительное усиленіе Варшавскаго герцогства превращаетъ это безпокойство въ страхъ предъ фантомомъ возраждающейся Польши. Тщетно Наполеонъ завѣрялъ, что у него и въ мысляхъ нѣтъ возстановить Польское государство, фактъ значительнаго усиленія Варшавскаго герцогства говорилъ противоположное. Хотя Наполеонъ и былъ искренен въ своихъ завѣреніяхъ, но оба союзника перестали вѣрить другъ другу и относились съ подозрительностью къ дѣйствіямъ одинъ другого. Наполеонъ не могъ не видѣть безъ опасенія способа войны, веденной Россіей противъ Австріи и не могъ не видѣть въ немъ отраженія перемѣны въ ея отношеніяхъ къ Франціи; это уже не былъ союзникъ, а скрытый сторонникъ Австріи. Тѣмъ цѣннѣе ему представлялась роль поляковъ въ этой войнѣ и, усиливая герцогство Варшавское, онъ укрѣплялъ свой авангардъ на случай возможныхъ будущихъ осложненій. Но, дѣлая это, онъ несомнѣнно дѣлалъ политическую ошибку, такъ какъ онъ тѣмъ самымъ вызывалъ враждебное чувство въ Россіи и страхъ за будущее, а между тѣмъ онъ не хотѣлъ отказываться отъ союза и дорожилъ имъ. Разъ это было такъ,—а это не подлежитъ сомнѣнію,—онъ не долженъ былъ въ силу проблематическихъ выгодъ будущаго, наносить этому союзу чувствительный ударъ. То, что произошло теперь, стало продолженіемъ того процесса, который отмѣченъ былъ во время эрфуртскихъ переговоровъ: тамъ произошла трещинка во франко-русскомъ союзѣ, теперь, расширившись, она превратилась въ разсѣлину.

Фактъ значительнаго усиленія Варшавскаго герцогства совершился и тѣмъ самымъ польскій вопросъ сталъ на арену дипломатическихъ переговоровъ. Въ Петербургѣ сочли нужнымъ гарантировать себя противъ возстановленія бывшаго Польскаго Королевства. Россія обращается къ Франціи съ проектомъ конвенціи по польскому вопросу, которою Франція гарантировала бы, что польское государство возстановлено не будетъ, и обязалась бы, что слова: „Польша“,

„польскій“ будутъ устранены изъ оффиціальныхъ сношеній и что польскіе ордена не будутъ раздаваемы Наполеономъ. Проектъ соотвѣтствующей конвенціи былъ подписанъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Румянцевымъ и посланникомъ Коленкуромъ, и былъ представленъ на утвержденіе Наполеону. Конвенція заключалась въ восьми статьяхъ, первая изъ которыхъ гласила: „Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено“. Такая декларація въ видѣ обязательства казалась Наполеону недопустимой. Онъ заявилъ, что не можетъ согласиться на помѣщеніе въ договоръ такой фразы, такъ какъ онъ не можетъ гарантировать отъ такого факта, который можетъ произойти помимо его воли, а равнымъ образомъ и помимо воли Россіи.—„Я могу только, сказалъ онъ, обязаться, что ни прямо, ни косвенно не окажу содѣйствія возстановленію Польши“. Отказавшись поэтому отъ ратификаціи присланной конвенціи, Наполеонъ велѣлъ составить контръ-проектъ, въ которомъ таже мысль и его обязательство ни прямо, ни косвенно не содѣйствовать возстановленію Польши были ясно выражены, и послалъ его въ Петербургъ въ окончательномъ видѣ, снадбивъ его своею подписью. Такой оборотъ дѣла произвелъ въ Петербургѣ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе; значитъ, говорили тамъ, онъ хочетъ возстановить польское государство. Хотя въ проэктѣ Наполеона было ясно сказано, что онъ обязывается ни прямо, ни косвенно не содѣйствовать возстановленію польскаго государства, это казалось все-таки подозрительнымъ. Французскій контръ-проектъ былъ отвергнутъ и составленъ новый, который былъ посланъ въ Парижъ съ заявленіемъ, что ни въ чемъ не подлежитъ измѣненію. Въ этомъ второмъ русскомъ проектѣ пунктъ первый перваго проекта былъ замѣненъ введеніемъ въ такихъ выраженіяхъ: „Его Величество императоръ французовъ, желая дать своему союзнику и Европѣ доказательство своего желанія лишить враговъ мира на континентѣ всякой надежды на его нарушеніе, обязуется, точно также какъ и Русскій Императоръ, въ томъ, что Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено.“ Когда этотъ проектъ былъ представленъ Наполеону, онъ увидѣлъ, что въ сущности это повтореніе того, противъ чего онъ уже возразилъ. Его задѣло за живое еще и то, что отъ него требовали подписанія этого проэкта конвенціи безъ всякихъ

измѣненій. Въ пространномъ меморандумѣ онъ возражалъ противъ содержанія и формы конвенціи. По его мнѣнію въ ней нѣтъ взаимности обязательствъ, что унизительно для Франціи. Россія не гарантируетъ, что Піемонтъ никогда не будетъ возстановленъ, почему же Франція должна дать такое обязательство. Къ тому же оно и невыполнимо, ибо возстановленіе Польши можетъ совершиться помимо и противъ его воли, какъ австрійская война произошла противъ воли обоихъ союзниковъ. Наполеонъ говорилъ, что, беря на себя подобное обязательство, онъ взялъ бы на себя роль Провидѣнія, что смѣшно. Онъ снова повторялъ и готовъ былъ, по его словамъ повторять, сколько угодно Александру, что онъ не будетъ ни поощрять, ни дѣлать, ни помогать возстановленію Польши; бо̀льшаго обязательства онъ дать не хотѣлъ и въ концѣ концовъ, не имѣя возможности вносить въ русскій проэктъ измѣненій, онъ отказался отъ его ратификаціи. Этимъ въ февралѣ 1810 года кончились переговоры по польскому вопросу. Они внесли полное охлажденіе между союзниками и усилили обоюдное подозрѣніе и страхъ за будущее. Въ сущности говоря, споръ сводился къ тому, что русская дипломатія желала, чтобы Франція обязалась не только не содѣйствовать возстановленію Польши, но и подавить движеніе къ нему, если бы таковое обозначилось, тогда какъ Франція соглашалась только никакимъ путемъ не содѣйствовать ему. На большее Наполеонъ не могъ согласиться, не уничтожая собственными руками политическаго и военнаго значенія для себя Варшавскаго герцогства, какъ своего авангарда. Россія же въ этомъ отказѣ видѣла таїное намѣреніе возстановить Польшу и со страхомъ смотрѣла въ будущее и старалась предупредить представлявшуюся опасность. На самомъ дѣлѣ ея не было. Наполеонъ въ своихъ замѣткахъ, не предназначавшихся для огласки, а только для руководства его министра иностранныхъ дѣлъ, говорилъ, что было бы съ его стороны „донкихотствомъ“ браться за возстановленіе Польши, что онъ не станетъ съ легкимъ сердцемъ углубляться на Сѣверъ, рисковать огромной авантюрой лишь бы доставить себѣ безплодную честь разбить цѣпи народа (польскаго) и загладить преступленіе другого вѣка. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ, что его нужно было бы считать дуракомъ, чтобы приписывать ему желаніе похоронить двѣсти

тысячъ человѣкъ въ пескахъ Польши ради воскрешенія этого государства. И однако такія намѣренія ему приписывали и въ такомъ стремленіи подозрѣвали. А такъ какъ люди часто дѣйствуютъ не сообразно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, а особенно съ тѣмъ, какъ таковое имъ представляется, то не будемъ удивляться тому, что политика направлялась въ данномъ случаѣ польскимъ фантомомъ и что подъ вліяніемъ послѣдняго франко-русскій союзъ преображался въ русско-французскую вражду.

Въ то время, какъ шли переговоры по польскому вопросу, шли еще другіе болѣе щекотливые переговоры между Петербургомъ и Парижемъ, одновременно съ первыми портившіе ихъ взаимныя отношенія. Я говорю о сватовствѣ Наполеона. Наполеонъ былъ того мнѣнія, что ему необходимо жениться и для этого развестись съ Жозефиной; не для личныхъ соображеній, такъ какъ онъ былъ сильно привязанъ къ Жозефинѣ, но для политическихъ цѣлей, чтобы имѣть потомка, который бы обезпечилъ продолженіе династіи. Наполеонъ имѣлъ основаніе считать, что не онъ является причиной бездѣтности брака съ Жозефиной. Забота о будущемъ государства была очень сильна у Наполеона. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его разговоръ съ Камбасересомъ и Шапталемъ: онъ совѣтовалъ имъ, въ случаѣ его смерти, держать его тѣло хоть недѣлю въ постели и увѣрять, что онъ живъ, чтобы тѣмъ временемъ обезпечить покойный переходъ государства къ новому правительству. Онъ шелъ на разводъ противъ своего сердца. Когда онъ долженъ былъ подписать актъ развода, съ нимъ случился такой истерическій припадокъ, что за нимъ пришлось больше ухаживать, чѣмъ за Жозефиной. Между ними остались хорошія отношенія; когда они вскорѣ послѣ того встрѣчались, никто не сказалъ бы, что это разведенные супруги. Наполеонъ имѣлъ въ виду жениться на сестрѣ императора Александра, Аннѣ Павловнѣ, которой было тогда 16 лѣтъ; онъ писалъ Коленкуру, спрашивая, какъ отнесется Александръ къ этому предложенію. Императоръ Александръ отвѣтилъ, что онъ очень дружелюбно относится къ такому намѣренію, и былъ бы очень радъ, еслибы оно осуществилось; но думаетъ, что этотъ планъ встрѣтитъ сопротивленіе со стороны императрицы-матери и просилъ нѣкотораго времени, чтобы переговорить съ

нею. Послѣ сообщенія Коленкура объ этомъ разговорѣ Наполеонъ уполномочилъ его начать переговоры о сватовствѣ. Это было въ декабрѣ 1809 года. Александръ сообщилъ Коленкуру о сомнѣніяхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ виду юнаго возраста вел. княжны Анны Павловны, но обѣщался уговорить ее дать согласіе на бракъ. Однако онъ отсрочивалъ ея отвѣтъ со дня на день и съ недѣли на недѣлю. Видя эти колебанія и желая сдѣлать идею сватовства оффиціальной идеей Франціи и ея общественнаго мнѣнія, Наполеонъ рѣшилъ созвать большое совѣщаніе сановниковъ имперіи, тѣмъ болѣе, что не мало было въ высшихъ сферахъ Парижа сторонниковъ брака съ австрійскою принцессою. Въ январѣ 1810 года было созвано совѣщаніе изъ маршаловъ, министровъ, членовъ государственнаго совѣта и нѣкоторыхъ выдающихся членовъ Законодательнаго Корпуса. Наполеонъ предложилъ собравшимся вопросъ, какой бракъ явился бы въ политическомъ отношеніи болѣе выгоднымъ, съ русской великой княжною или съ эрцгерцогинею австрійскою? Мнѣнія раздѣлились. Мюратъ, какъ авангардный генералъ былъ отлично знакомъ со свойствами русской арміи. Подъ Фридландомъ и подъ Пресишъ Эйлау онъ хорошо познакомился съ достоинствами русской арміи и съ ея силой сопротивленія. Поэтому Мюратъ сталъ на сторону русскаго брака, доказывая, что этотъ бракъ послужитъ прочной основой будущаго Франціи. Уже въ силу отношеній къ Мюрату Богарне, пасынокъ Наполеона, сталъ на сторону брака съ австрійской эрцгерцогиней. Архиканцлеръ Камбасересъ, наиболѣе вліятельный государственный человѣкъ, въ очень обстоятельной рѣчи доказывалъ, что предпочтеніе одной державы необходимо создастъ вражду другой. Вражда Австріи была по его мнѣнію не опасною: она заранѣе должна считаться побѣжденной; но рессурсы Россіи и сила ея сопротивленія представляютъ собою страшную неизвѣстность, бросаться въ которую онъ считалъ опаснымъ. Поэтому онъ высказался за русскій бракъ, и его заявленіе произвело большое впечатлѣніе. Наполеонъ не высказывался ни въ ту, ни въ другую сторону. Молча слушалъ онъ всѣ мнѣнія и, когда они выяснились, онъ закрылъ засѣданіе не сдѣлавъ никакого заключенія.—Тѣмъ временемъ онъ торопилъ Коленкура съ отвѣтомъ и нетерпѣливо ждалъ его. Въ теченіе всего ян-

варя посланникъ часто говорилъ съ императоромъ Александромъ по этому дѣлу. Послѣдній не разъ высказывалъ ему при этомъ неудовольствіе противъ своей матушки за ея нерѣшительность, онъ говорилъ, что относится отрицательно къ ея предразсудкамъ и, еслибы отъ него дѣло зависѣло, то оно давно было бы рѣшено въ благопріятномъ смыслѣ. На самомъ дѣлѣ однако въ отрицательномъ отношеніи къ сватовству Наполеона онъ былъ съ нею вполнѣ солидаренъ. Наконецъ 5-го февраля прибылъ курьеръ отъ Коленкура и привезъ два шифрованныхъ донесенія, отъ 15 и 21 января н. с. (1810 г.), въ которыхъ посолъ подробно передавалъ свои разговоры съ Императоромъ Александромъ, который передавалъ ему всѣ мотивы колебаній матушки и склоненъ былъ думать, что она почти готова согласиться. Коленкуръ доносилъ въ заключеніе, что окончательный отвѣтъ будетъ полученъ не далѣе начала февраля и что по всей вѣроятности онъ будетъ благопріятнымъ. Когда на другой день послѣ дешифровки Наполеонъ прочиталъ эти донесенія,—а читалъ ихъ онъ очень внимательно,—онъ пришелъ къ выводу обратному: авторъ старался доказать, что предстоящій отвѣтъ будетъ благопріятенъ, а Наполеонъ увидѣлъ, что будетъ отказъ. Эта догадка была вѣрна. 4-го февраля Коленкуръ получилъ отвѣтъ отъ Александра, онъ оказался отрицательнымъ. Императоръ сообщилъ, что матушка не можетъ рѣшиться теперь на этотъ бракъ. Она согласилась на бракъ Екатерины Павловны въ раннемъ возрастѣ и этотъ бракъ былъ несчастливъ. Императоръ Александръ предлагалъ поэтому обождать два года, а тогда снова возбудить сватовство. Если жениху, да еще нетерпѣливо ожидающему отвѣта, говорятъ, что надо подождать два года, чтобы возобновить свое сватовство, да еще неизвѣстно съ какимъ результатомъ, то ясно, что это отказъ. Самъ Александръ такъ понималъ смыслъ отвѣта и потому сейчасъ же прибавилъ, что на этомъ слѣдуетъ остановиться и не возобновлять больше разговоровъ объ этомъ предметѣ, какъ безполезныхъ. Онъ закончилъ разговоръ обычными въ такихъ случаяхъ сожалѣніями, которыя только поясняли отрицательный смыслъ отвѣта. Между тѣмъ, Наполеонъ, получивши предъидущую депешу, но не получивши еще извѣстія объ отказѣ, сейчасъ же рѣшилъ повернуть въ другую сторону, чтобы

не получить отказа раньше, чѣмъ успѣетъ сосватать невѣсту въ Австріи. 6-го февраля днемъ онъ послалъ Евгенія Богарне къ австрійскому послу Шварценбергу съ предложеніемъ руки и съ просьбою рѣшить дѣло въ 24 часа. Шварценбергъ былъ поставленъ такимъ требованіемъ въ затруднительное положеніе: какъ же рѣшать такой вопросъ безъ вѣдома и согласія императора и самой эрцерцогини? Но какъ умный и знающій дипломатъ, Шварценбергъ ясно представилъ себѣ всѣ выгоды, которыя можетъ извлечь Австрія отъ предлагаемаго брака, рѣшился взять на себя отвѣтственность и въ тотъ же день вечеромъ подписалъ договоръ. Когда пришло донесеніе Коленкура отъ 4-го февраля (16 февраля), тогда уже австрійское сватовство было окончательно налажено, и Наполеонъ самъ извѣстилъ объ немъ императора Александра.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело въ Петербургѣ это извѣстіе: изъ сопоставленія чиселъ было ясно, что Наполеонъ покончилъ сватовство на австрійской принцессѣ еще 6-го февраля, тогда какъ формальный отказъ послѣдовалъ только 4 февраля и могъ прибыть въ Парижъ только около 19 февраля н. с. Правда, въ Петербургѣ понимали, что уже въ предъидущихъ разговорахъ и проволочкахъ заключался фактическій отказъ, но все же формально таковой не былъ данъ еще. Хотя въ своемъ сообщеніи объ австрійскомъ сватовствѣ Наполеонъ старался всѣми способами себя оправдать и доказать, что онъ былъ побѣжденъ тѣми отрицательными доводами, которые императоръ Александръ высказывалъ Коленкуру и что самыя многократныя отсрочки имъ были поняты какъ отказъ, что, наконецъ, не выжидая формальнаго отказа и начавъ сватовство въ Австріи онъ подчинялся справедливому нетерпѣнію французскаго общественнаго мнѣнія, жаждавшаго быть успокоеннымъ на счетъ будущаго страны,—всѣ эти соображенія болѣе или менѣе искусственныя, не могли опровергнуть того факта, что Наполеонъ отказался отъ сватовства на русской великой княжнѣ раньше, чѣмъ получилъ отказъ, и что именно онъ спѣшилъ со своимъ сватовствомъ въ Австріи, чтобы имѣть видъ жениха, который самъ отказался, а не такого, которому отказали. Поэтому впечатлѣніе исхода сватовства было въ Петербургѣ очень непріятно и тягостно. Не будетъ пре-

увеличеніемъ сказать, что если исходъ австрійской войны усилилъ разногласіе между союзниками, разногласіе, обозначившееся въ Эрфуртѣ, если далѣе переговоры по польскому вопросу нанесли франко-русскому союзу серьезную рану, то конецъ сватовства Наполеона, совпавшій къ тому же съ отказомъ его согласиться на второе предложеніе Россіи о конвенціи по польскому вопросу, вызвалъ горькое чувство и сталъ смертельнымъ ударомъ этому союзу. Съ этого момента Александръ I не вѣрилъ больше въ союзъ, въ глубинѣ души признаетъ Наполеона своимъ противникомъ и начинаетъ принимать мѣры для борьбы съ нимъ.

Но Наполеонъ не считалъ женитьбу на австрійской принцессѣ сопряженной съ поворотомъ французской политики по отношенію Россіи и вѣрилъ еще въ возможность сохранить союзъ съ нею, хотя и понималъ, что зданіе колеблется. Онъ отклонялъ всякія попытки Австріи побудить его нарушить договоръ съ Россіей, но въ глубинѣ души у него залегла мысль о возможности союза съ Австріей. Такъ, однажды Меттернихъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ русскихъ подъ Силистріей и блокадѣ Шумлы и, зная, какъ Наполеонъ внимательно слѣдитъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, поспѣшилъ къ нему, чтобы первому сообщить ему эту новость. Дѣйствительно, Наполеонъ еще ничего не зналъ. Выслушавъ Меттерниха, онъ сейчасъ же обратился къ картѣ, переставилъ на ней булавки, обозначавшія относительное положеніе русской и турецкой арміи и съ нескрываемымъ удовольствіемъ воскликнулъ: „да, это несомнѣнный успѣхъ русскихъ и скоро наступитъ миръ“. Турки проиграли кампанію. Они должны заключить миръ, который закончитъ войну, тяжелую для русскихъ. Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ: теперь возможенъ союзъ Франціи съ Австріей. Наши интересы одинаковы. Потомъ повторилъ нѣсколько разъ: „да, вотъ настоящій союзъ между нами, союзъ, основанный на общности интересовъ, единственно прочный“. Эти фразы указываютъ на тотъ поворотъ, который, подъ вліяніемъ вышеизложенныхъ отношеній къ Россіи происходилъ въ это время въ душѣ Наполеона, на то, какъ далеко уже онъ былъ въ это время отъ настроенія Тильзита или даже Эрфурта.

Но Австрія ошиблась, думая, что Наполеонъ готовъ разорвать союзъ съ Россіей, что послѣдній потерялъ цѣну въ

его глазахъ. Получивъ донесенія Меттерниха объ приведенномъ разговорѣ, австрійское правительство поручило послу Шварценбергу попытаться склонить Наполеона воздѣйствовать на Россію въ томъ смыслѣ, чтобы она не забирала Дунайскихъ княжествъ и согласилась бы уступить хотя бы западную часть Валахіи Австріи. Оно обѣщало съ своей стороны участвовать въ этомъ воздѣйствіи путемъ военныхъ демонстрацій на русской границѣ. Пока Шварценбергъ оффиціальнымъ путемъ дастъ ходъ этому приказанію, Меттернихъ долженъ былъ въ разговорѣ съ Наполеономъ подготовить для этого почву и выяснить шансы успѣха. Это было вскорѣ послѣ приведеннаго выше разговора. Теперь онъ поставилъ на видъ императору французовъ невыносимое положеніе Австріи; лишенная своихъ итальянскихъ владѣній, отодвинутая отъ Адріатическаго моря Вѣнскимъ трактатомъ, она теперь успѣхами русскихъ запирается съ востока. Русское вліяніе на балканскихъ славянъ запираетъ ей туда дорогу. Оказывается, что она какъ бы стиснута со всѣхъ сторонъ и лишена возможности развитія. Въ заключеніе онъ просилъ его, не окажетъ ли онъ содѣйствіе Австріи въ томъ, чтобы Россія уступила ей хотя бы западную часть Дунайскихъ княжествъ. Наполеонъ отвѣтилъ рѣшительно: „Я принялъ обязательства, нарушать которыя у меня нѣтъ не причины, ни даже повода. Эти обязательства тяжелы, я вижу въ нихъ ущербъ для Франціи, но вы знаете, кто меня привелъ къ нимъ въ свое время. Дѣйствовать теперь противъ этихъ обязательствъ значило бы немедленно дать Россіи поводъ къ войнѣ, что не входитъ въ мои виды, и къ тому же лишить себя права на довѣріе къ какимъ бы то ни было моимъ обязательствамъ. Какую гарантію я могъ бы представить въ другомъ случаѣ вамъ самимъ, если я теперь нарушу совершенно ясное обязательство потому только, что обстоятельства измѣнились, а потому у меня меньше нужды обходиться осторожно съ державой, съ которою я ихъ заключилъ“? Тѣмъ дѣло и кончилось, попытка Австріи поссорить Францію съ Россіей осталась не причемъ. То, что не удалось Австріи сдѣлать въ 1810 году, какъ мы видѣли, дѣлалось само собою, въ силу недоразумѣній относительно Польши, осложнившихся неудачнымъ сватовствомъ.

Но изложеніе элементовъ, содѣйствовавшихъ разруше-

нію франко-русскаго союза и претворявшихъ его во вражду, было бы неполнымъ, если бы мы оставили въ сторонѣ вопросъ о континентальной системѣ. Сущность ея заключалась въ исключеніи Англіи изъ торговыхъ сношеній съ континентомъ Европы. Цѣль такой политики заключалась въ разрушеніи англійской промышленности и торговли, что должно было заставить послѣднюю капитулировать передъ Франціей и согласиться на заключеніе съ нею мира. Это средство вытекало изъ представленія, что будто бы привозъ товаровъ составляетъ выгоду только вывозящей страны и убытокъ для той, которая получаетъ ихъ. Такой взглядъ, имѣющій сторонниковъ и въ настоящее время, господствовалъ тогда и былъ наслѣдіемъ меркантильной системы. Еще при Людовикѣ XIV была сдѣлана тарифомъ 1667 года попытка исключить совершенно англійскіе товары изъ французскаго рынка, попытка не увѣнчавшаяся успѣхомъ. Такимъ образомъ идея борьбы на экономической почвѣ была унаслѣдована Наполеономъ отъ старой Франціи. Мало того, во время революціи Комитетъ Общественнаго Спасенія, нерѣдко копировавшій Людовика XIV, попытался присоединить къ политической борьбѣ съ Англіей и экономическую, запрещая ввозъ ея товаровъ откуда бы то ни было. Тутъ начало континентальной системы, питаемой той враждою, которая существовала между обѣими націями въ силу отношеній, упомянутыхъ выше. Лично Наполеонъ питалъ вражду къ Англіи. Она создалась въ немъ еще подъ вліяніемъ борьбы съ англійскою партіей на Корсикѣ; но, кромѣ того, можно сказать, что въ немъ концентрировалась стародавняя вражда Франціи къ Англіи и такъ какъ все въ его рукахъ пріобрѣтало грандіозные размѣры и поле дѣятельности его было широко, то и борьба съ Англіей на экономической почвѣ приняла гигантскій, фантастическій видъ. Въ сущности говоря, исключеніе англійскихъ товаровъ со всего европейскаго рынка было химерой. Англичанамъ столько же нужно было продать свой товаръ, какъ европейцамъ нужно было получить его и отдать взамѣнъ свой. При наличности этого условія не могло быть той человѣческой силы, которая могла бы совсѣмъ остановить доступъ англійскихъ товаровъ на континентъ. Какъ бы ни была густа цѣпь охранителей берега, она не могла быть настолько густой, чтобы не дать контрабанди-

стамъ пройти черезъ нее. Съ другой стороны, вѣдь не одна Европа могла быть рынкомъ для англійскихъ товаровъ. Поэтому если бы исключеніе ихъ съ этого рынка и могло бы быть полнымъ, все же́ это былъ бы только большой ущербъ для англійской промышленности; но не смерть ея. Наполеонъ былъ убѣжденъ въ противномъ. Въ экономическихъ вопросахъ онъ былъ совсѣмъ невѣжда и самъ иногда признавался въ этомъ. Ему поэтому казалось, что въ вопросахъ торговли и промышленности можно также успѣшно дѣйствовать приказами, какъ передвигать полки. Прибавимъ къ этому, кстати, что именно въ военныхъ дѣлахъ, въ силу своего глубокаго знанія ихъ, онъ всегда очень и очень сильно считался съ наличными обстоятельствами и былъ очень остороженъ. Въ экономической сферѣ было иначе. Онъ едва подозрѣвалъ существованіе экономическихъ законовъ, ихъ же не прейдеши.

Задавшись цѣлью принудить Англію къ миру путемъ разрушенія ея промышленности и торговли, онъ идетъ рѣшительно къ этой цѣли. Разбивъ созданныя ею коалиціи Австріи, Пруссіи и Россіи, онъ въ концѣ 1806 года, послѣ пораженія Пруссіи, издаетъ декретъ въ Берлинѣ, которымъ предписывается не допускать во Францію и въ союзныя съ нею страны англійскіе корабли и товары. Когда былъ заключенъ миръ въ Тильзитѣ, Россія приняла обязательство прекратить допускъ къ себѣ англійскихъ кораблей съ товарами. На берлинскій декретъ Англія отвѣчала двумя постановленіями Королевскаго Совѣта 1807 года, которыми объявлялось, что ни одно нейтральное судно не можетъ плавать по морямъ безъ патента отъ Англіи. Безъ такого патента оно объявлялось враждебнымъ и подлежало конфискаціи. Каждое судно, принявшее патентъ, обязывалось имѣть опредѣленную часть груза въ англійскомъ товарѣ. Этими распоряженіями Англія объявила себя владычицею морей и отмѣнила правила о нейтральной торговлѣ, которыя провела въ жизнь Екатерина II декларацiей 1780 года. На постановленія Королевскаго Совѣта Наполеонъ отвѣтилъ Миланскимъ эдиктомъ, изданнымъ въ декабрѣ 1807 года. Этимъ актомъ объявлялось, что такъ какъ нейтральныя суда снабжены англійскимъ патентомъ и обязаны везти англійскій грузъ, то они, такъ сказать, денаціонализованы и усыновлены Англіей,

а потому должны разсматриваться какъ таковыя; поэтому англійскіе товары и на нихъ не должны быть допускаемы въ страны, союзныя съ Франціей и примкнувшія къ Континентальной системѣ. Стремленіе къ полному осуществленію системы обусловило захватъ Испаніи и Португаліи, отторженіе отъ Австріи береговъ Адріатики. Затѣмъ въ 1810 году и въ началѣ 1811 дѣло идетъ дальше. Лѣтомъ 1810 года присоединена была Голландія и раздѣлена на семь департаментовъ, затѣмъ нѣкоторыя части Вестфальскаго королевства были отдѣлены отъ него и съ присоединеніемъ земель, лежащихъ по устьямъ Везера и Эльбы и около залива Ядъ, образовали новые французскіе департаменты. При этомъ въ началѣ 1811 года было забрано герцогство Ольденбургское. Послѣдніе вольные города: Бременъ, Любекъ и Гамбургъ тоже были присоединены къ Франціи. Присоединеніемъ и образованіемъ департамента Любека съ портомъ Травемюнде Наполеонъ дошелъ до Балтійскаго моря, а если принять во вниманіе, что французскій гарнизонъ находился въ Данцингѣ и постоянно угрожалъ Помераніи, то понятно, что Россія не могла относиться равнодушно къ этимъ захватамъ и въ особенности къ укрѣпленію на Балтійскомъ морѣ, на которомъ еще Петръ Великій хотѣлъ утвердить гегемонію Россіи. Захватъ герцогства Ольденбургскаго противорѣчилъ Тильзитскому міру, такъ какъ по этому договору Наполеонъ обязался сохранить за нимъ владѣніе. Протестъ императора Александра противъ этого захвата не только оставленъ былъ безъ послѣдствій, но былъ сочтенъ вызовомъ съ его стороны, хотя онъ послѣдовалъ уже послѣ тщетныхъ попытокъ Александра I столковаться по этому дѣлу. Такимъ образомъ, параллельно съ польскимъ вопросомъ, континентальная система приближала Россію къ столкновенію съ Франціей, хотя она и не была главной причиною его.

По мѣрѣ развитія Континентальной системы и расширенія захватовъ Наполеона отношеніе Россіи къ этой политикѣ становилось все болѣе и болѣе труднымъ. Наполеонъ считалъ, что только повсемѣстное и строгое примѣненіе системы можетъ привести къ желаемому результату, а между тѣмъ Россія продолжала допускать къ себѣ нейтральныя суда, и этимъ путемъ водворялись въ ней англійскіе товары и черезъ нее проникали въ Германію. Такъ, въ 1810 году въ

Лейпцигъ на ярмарку прибыло изъ Россіи 700 подводъ съ англійскими и колоніальными товарами. Наполеонъ жаловался на такую снисходительность Россіи въ примѣненіи Континентальной системы, но русское правительство старалось либо уклониться отъ прямого отвѣта, либо указывало на то, что отказаться отъ торговли съ нейтральными государствами она не можетъ, такъ какъ ея торговля отъ этого слишкомъ сильно пострадала бы. Наполеонъ съ своей стороны настаивалъ на томъ, что продолжать торговлю съ такъ называемыми „нейтральными“ государствами значитъ вести торговлю съ Англіей, а при такихъ условіяхъ теряется та цѣль, ради которой Россія присоединилась къ Континентальной системѣ, и Англію никогда нельзя будетъ принудить къ миру. Эти переговоры только усиливали взаимное раздраженіе „союзниковъ“, если можно было въ это время считать таковыми Наполеона и Александра. Но Россія, какъ увидимъ дальше, дѣйствительно не могла соблюдать строго Континентальной системы, и потому эти переговоры не могли привести ни къ какому соглашенію, въ особенности при наличности другихъ, болѣе серьезныхъ поводовъ къ столкновенію. Напротивъ, Россія нашла себя вынужденной принять мѣры противъ отлива изъ страны монеты, путемъ стѣсненія привоза по сухопутной границѣ иностранныхъ товаровъ. Указъ о возвышеніи пошлинъ на товары, привозимые по сухопутной границѣ, былъ изданъ 31 декабря 1810 года, т. е. еще до захвата Наполеономъ Ольденбургскаго герцогства. Если послѣднее прямо нарушало Тильзитскій договоръ, то и повышеніе пошлинъ на сухопутные товары тоже могло считаться нарушеніемъ того же договора. Въ 27 статьѣ его было условлено, что до того времени, какъ будетъ заключенъ торговый договоръ Россіи съ Франціей, таможенныя ставки остаются прежними. Такъ какъ по сухой границѣ шли главнымъ образомъ только французскіе товары и такъ какъ объ сохраненіи за ними прежней пошлины ничего не было сказано въ указѣ 31 декабря, то повышеніе ставокъ на нихъ являлось нарушеніемъ договора. Кромѣ того, пошлины на товары, приходящіе моремъ, были оставлены прежнія и тѣмъ самымъ оказывалось нѣкоторое предпочтеніе такъ называемымъ „нейтральнымъ“ товарамъ, т. е. англійскимъ. Положеніе этихъ послѣднихъ оказывалось еще

болѣе льготнымъ въ томъ отношеніи, что контрабандный товаръ, пришедшій сухимъ путемъ, подвергался сожженію, тогда какъ къ товарамъ морского транспорта эта архаическая мѣра не примѣнялась. Распоряженіе о высокомъ облождніи французскихъ товаровъ и о сожженіи тѣхъ изъ нихъ которые проникли контрабаднымъ путемъ сильно раздражило Наполеона. Въ разговорѣ съ Чернышевымъ онъ высказалъ это неудовольствіе и прибавилъ, что онъ съ своей стороны тоже приказалъ сжигать въ портахъ, зависящихъ отъ него, всякій лѣсъ, пеньку, желѣзо (sic), словомъ все, что идетъ изъ Россіи. Вотъ такъ милые союзники, воскликнулъ онъ, вотъ такъ поучительная дружба! Само собою разумѣется, что такія отношенія только раздражали обѣ стороны, но что особенно важно было въ этомъ дѣлѣ, это то, что Наполеонъ въ экономической политикѣ Россіи видѣлъ основаніе къ убѣжденію, что она вошла въ соглашеніе съ Англіей и поэтому удаляется отъ Франціи. На самомъ дѣлѣ этого не было, но этого подозрѣнія достаточно было для того, чтобы Наполеонъ видѣлъ въ этомъ союзѣ Россіи съ Англіей необходимость войны.

Какъ сказано выше, Наполеонъ въ половинѣ 1810 года чувствовалъ колебаніе отношеній къ Россіи, но еще цѣплялся за этотъ союзъ, хотя и допускалъ въ глубинѣ души возможность разрыва и поворота къ Австріи. Александръ, напротивъ, разувѣрился въ союзѣ гораздо раньше. Онъ подозрѣвалъ Наполеона въ агрессивныхъ намѣреніяхъ по отношенію къ Россіи и въ его отказѣ согласиться на русскій проектъ конвенціи по польскому вопросу увидѣлъ намѣреніе возстановить Польшу въ ущербъ Россіи. Поэтому еще въ 1810 году онъ начинаетъ готовиться къ неизбѣжному по его мнѣнію столкновенію и даже думаетъ предупредить предполагаемое нападеніе Наполеона. Два пункта становятся ареной его политики противъ Франціи: Австрія и Варшавское герцогство.

Положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ было таково, что представляло нѣкоторыя шансы на успѣхъ попытки къ сближенію Россіи съ этою державою. Дворъ и министерство были склонны использовать выгоды отъ брака Наполеона съ эрцгерцогинею Луизой и потому шли на сближеніе съ Франціей. Графъ Меттернихъ, бывшій во главѣ министерства иностран-

ныхъ дѣлъ и отправившійся во Францію послѣ брака эрцгерцогини Луизы безъ опредѣленной миссіи, употребилъ всѣ усилія, чтобы устроить сближеніе съ Франціей въ ущербъ Россіи. На его мѣстѣ въ Вѣнѣ остался отецъ его князь Меттернихъ, человѣкъ ограниченный, на котораго дѣйствовать было легче, чѣмъ на сына. Внѣ этого небольшого круга политическихъ дѣятелей Франція не имѣла друзей, а только враговъ. Высше общество Вѣны,—оно вѣдь только и давало тонъ жизни,—было враждебно Франціи и сближенію съ нею. Консервативные приципы не позволяли сближенію съ исчадіемъ революціи, грозившимъ кровнымъ интересамъ аристократіи. Общество Вѣны бойкотировало французскаго посла Отто. Въ глазахъ „общества“ знаться съ французскимъ посломъ было признакомъ дурного тона. Дворъ принималъ его съ распостертыми объятіями, сановники принимали его изъ страха, но всѣ его попытки найти связи въ „обществѣ“ были безуспѣшны. Что онъ ни дѣлалъ, какіе вечера и пріемы не устраивалъ,—все было напрасно: съ нимъ были вѣжливы, но уклонялись отъ малѣйшей попытки перейти на болѣе близкое знакомство.—Видную роль въ вѣнскомъ обществѣ играла русская колонія, состоявшая изъ представителей русской аристократіи. Она относилась къ Франціи и къ Наполеону съ нескрываемою враждою и въ этомъ отношеніи шла въ ногу съ австрійскими дворянами. Центромъ русской колоніи былъ графъ Андрей Разумовскій, бывшій посолъ русскій въ Вѣнѣ. Теперь онъ жилъ тутъ въ качествѣ частнаго лица, былъ покровителемъ живописи и музыки и очень хлѣбосольнымъ хозяиномъ. Его музыкальные вечера славились на весь городъ и его пріемы привлекали все, что было высокопоставленнаго въ Вѣнѣ. Рядомъ съ его домомъ и еще большимъ вліяніемъ пользовался салонъ княгини Багратіонъ, женщины красивой, любезной и воспитанной, стремившейся играть политическую роль и путавшейся во всѣ политическія интриги. Ея салонъ и домъ графа Разумовскаго были центрами, гдѣ велась борьба противъ всего, что пахло Франціей и откуда велись интриги противъ тѣхъ дѣятелей Австріи, которые проявляли склонность къ сближенію съ нею. Отношеніе русской колоніи къ французскому послу было таково, какъ будто бы онъ былъ представителемъ не союзной Россіи, а враждебной ей державы. Отто нерѣдко сооб-

щалъ Наполеону объ этомъ отношеніи и о тѣхъ интригахъ, предметомъ которыхъ онъ былъ со стороны Разумовскаго и въ особенности княгини Багратіонъ. Это отношеніе русской аристократіи къ Наполеону было диктуемо также консервативными принципами, враждебными демократіи. Такое настроеніе вѣнскаго высшаго общества и то вліяніе, которое тамъ получила русская колонія, давало надежду на успѣхъ воздѣйствія на австрійское правительство. Рѣшено было въ Петербургѣ снабдить такой миссіей не оффиціальнаго агента, какимъ былъ тамъ посолъ графъ Шуваловъ, а послать туда Алопеуса, бывшаго посла въ Стокгольмѣ. Онъ былъ посланъ какъ будто-бы посланникомъ въ Неаполь къ Мюрату; но долженъ былъ остановиться подъ благовиднымъ предлогомъ въ Вѣнѣ и тамъ дѣйствовать. Онъ былъ снабженъ инструкціей, въ которой была очерчена его задача. Предлогомъ сближенія Россіи съ Австріей должно быть указано то, что теперь Австрія стала въ близкія отношенія къ Франціи, а потому русскій дворъ, не нарушая своихъ союзническихъ обязанностей, можетъ дать просторъ своему давнишнему дружественному влеченію къ австрійскому. Рядомъ съ союзомъ съ Франціей можетъ установиться *дружба* съ Австріей. Какъ на условіе прочности этой дружбы и какъ на ея послѣдствія должно быть указано на то, что Россія совершенно не заинтересована въ томъ, чтобы противодѣйствовать возстановленію прежняго положенія Австріи въ Германіи и даже на Рейнѣ, что она не заинтересована даже и въ сохраненіи Франціею ея естественныхъ границъ. Она съ удовольствіемъ увидѣла бы возвращеніе Австріею ея положенія въ Италіи и возсоединеніе ею побережья Адріатики. Нарисовавъ Австріи такія заманчивыя перспективы, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Румянцевъ касается въ своей инструкціи наиболѣе важнаго вопроса, а именно Дунайскихъ княжествъ. Онъ указываетъ на то, чго хотя Россія не склонна отступаться отъ княжествъ, но для честолюбія Австріи на Балканскомъ полуостровѣ есть достаточно мѣста, чтобы идти тамъ рука объ руку съ Россіей. Она можетъ, при дружбѣ съ Россіей расчитывать на протекторатъ надъ Сербіей, а если бы ей захотѣлось принять участье въ дѣлежѣ Турціи, она могла бы расчитывать на полученіе земель въ западной части съ портомъ на берегахъ Эгейскаго моря. Эта инструк-

ція, составленная Румянцевымъ, была изложена гораздо менѣе отчетливо, чѣмъ она представлена здѣсь и представляла собою задачу въ высшей степени тонкую, расчитанную на ловкость и величайшую осторожность дипломата. Алопеусъ былъ ловкимъ дипломатомъ, человѣкомъ способнымъ и талантливымъ; но въ данномъ случаѣ задача его оказалась ему не по плечу. Онъ слишкомъ не любилъ Францію и потому, вѣроятно, увлекся въ стремленіи повредить ей въ Вѣнѣ. Онъ надѣлалъ слишкомъ много шуму изъ своей миссіи. Онъ сошелся съ Разумовскимъ и съ княгиней Багратіонъ и вмѣстѣ съ ними началъ слишкомъ быстро идти къ своей цѣли. Странность его поведенія обратила на себя вниманіе французскихъ агентовъ и скоро объ немъ стало извѣстно въ Парижѣ. А тутъ еще появился въ Вѣнѣ Поццо ди Борго. Это былъ личный врагъ Наполеона еще съ молодыхъ лѣтъ, когда они оба были въ Корсикѣ. Мстительный и злой Поццо ди Борго не могъ простить своему старому противнику Наполеону его успѣха и того, что друзья его заставили его оставить Корсику. Не было ни одной коалиціи противъ Франціи, въ образованіи которой Поццо ди Борго не принималъ бы участія въ качествѣ дѣятельнаго агента. Онъ теперь расхаживалъ по Вѣнѣ въ русской военной формѣ, хотя и не состоялъ въ это время на службѣ, и принималъ рьяное участіе въ антифранцузскихъ интригахъ. Наполеонъ зналъ объ этихъ происках и писалъ Коленкуру, прося его поговорить съ Александромъ и просить его вызвать Разумовскаго и выслать изъ Вѣны Поццо. Но эти обращенія не имѣли оффиціальнаго характера; для этого не было повода. Таковой дали однако сами враги Наполеона. Мужъ княгини Багратіонъ съ друзьями сдѣлали нападеніе на персидское посольство, возвращавшееся изъ Франціи, захватили переводчика посольства, уговорили его похитить документы и отправили его на Дунай, въ русскую армію. Исторія эта не имѣла особыхъ послѣдствій. Переводчика арестовалъ въ Бухарестѣ французскій консулъ и отобралъ отъ него похищенные документы, но скандалъ вышелъ громкій. Оффиціальную жалобу Наполеона на эту выходку оставить безъ послѣдствій нельзя было. Алопеусъ былъ отозванъ изъ Вѣны, и Франціи было дано такое объясненіе, что онъ былъ посланъ въ Неаполь въ предположеніи, что онъ другъ Франціи. Послѣ

отъѣзда его выяснилось, что его чувства иныя и потому его дальнѣйшее путешествіе было остановлено, чтобы не сдѣлать непріятности Наполеону и его шурину королю Неаполитанскому, и теперь онъ возвращенъ домой. Относительно Поццо ди Борго, было сообщено, что онъ со времени Тильзитскаго мира не состоитъ на русской службѣ и поэтому русское правительство не можетъ его вызвать изъ Вѣны. Что касается Разумовскаго, то именно его русское правительство считало особенно цѣннымъ въ Вѣнѣ, ради его вліянія. Недаромъ его называли „Вѣнскимъ Королемъ“. Надо было его оставить тамъ такъ или иначе. Французскому правительству было сообщено, что графъ Разумовскій давно уже оставилъ Россію и, такъ сказать, самъ себя лишилъ русскаго подданства. Русское правительство такъ его и разсматриваетъ, какъ иностранца, а потому и не можетъ приказать ему вернуться въ Россію. Не желая, однако, чтобы Поццо былъ подвергнутъ выдачѣ Франціи, какъ бывшій французскій поданный, русское правительство приказало Шувалову отослать его въ Константинополь и дать ему секретную миссію къ англійскому посланнику. Онъ долженъ былъ сообщить послѣднему, что Россія, желая заключить миръ съ Турціей, не думаетъ тѣмъ самымъ отторгать ее отъ союза съ Англіей. Поэтому желательно, чтобы Англія не противодѣйствовала заключенію мира тѣмъ болѣе, что послѣдній можетъ быть полезенъ и для ея интересовъ, такъ какъ русская армія, освободившись на Дунаѣ, будетъ переведена, напримѣръ, на границу Варшавскаго герцогства.

Но неудачей миссіи Алопеуса переговоры съ Австріей не были прекращены. Они были поручены Шувалову. Этотъ дипломатъ былъ осторожнѣе и скрытнѣе Алопеуса. Онъ тоже былъ врагомъ Франціи; но французскій посолъ Отто считалъ его другомъ своимъ и расхваливалъ его Наполеону, какъ сторонника Франціи. Шувалову удалось черезъ одного придворнаго завязать личныя сношенія съ княземъ Меттернихомъ и привести его къ убѣжденію въ выгодности для Австріи соглашенія съ Россіей. Основаніемъ послѣдняго была предположена уступка Австріи Дунайскихъ княжествъ въ обмѣнъ за уступку Австріей Россіи оставшейся у нея части Галиціи, называвшейся тогда „Древнею“ въ отличіе отъ земель, отошедшихъ къ герцогству Варшавскому, которыя носили названіе

„Новой Галиціи“. Объ основаніяхъ русскихъ предложеніи Меттерних доложилъ императору Францу I. Императоръ согласился на нихъ и разрѣшилъ выработать проектъ договора. Онъ былъ уже готовъ, когда изъ Парижа возвратился графъ Меттернихъ (сынъ) и вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Сынъ выступилъ въ данномъ случаѣ противъ своего отца; узнавъ о приготовленномъ соглашеніи, онъ немедленно отправился въ Штирію, гдѣ въ это время находился императоръ и уговорилъ его отказаться отъ продолженія начатыхъ переговоровъ. Шувалову Меттернихъ объяснилъ, что онъ очень дорожитъ дружбой Россіи, но что сохраненіе послѣдней не требуетъ пока особой конвенціи. Затѣмъ онъ тщательно избѣгалъ свиданій и дѣловыхъ разговоровъ съ Шуваловымъ, но сталъ усерднымъ посѣтителемъ салона княгини Багратіонъ. Причиной такого поворота въ дипломатическихъ сношеніяхъ было то, что одновременно съ тѣмъ, какъ князь Меттернихъ велъ переговоры въ Вѣнѣ съ Шуваловымъ, графъ Меттернихъ тоже велъ переговоры съ самимъ Наполеономъ. Мы видѣли, что онъ старался объ разрушеніи франко-русскаго союза и что онъ встрѣтилъ сопротивленіе Наполеона. Но все, что приходилось узнавать послѣднему о настроеніи Россіи и Александра I приводило его мало по мало къ мысли о возможности разрыва. Чѣмъ чаще эта мысль посѣщала его, тѣмъ чаще приходила идея сближенія съ Австріей и тѣмъ податливѣе онъ становился на внушенія Меттерниха. Разговоры между ними все чаще сводились на будущія отношенія двухъ имперій и на вопросъ о возможной роли Австріи въ предвидимомъ столкновеніи Россіи съ Франціей. Наполеонъ сомнѣвался въ возможности союза, сомнѣвался въ возможности заставить идти рука объ руку побѣдителей и побѣжденныхъ при Аспернѣ и Ваграмѣ; но онъ думалъ о возможности благосклоннаго нейтралитета. Переговоры о послѣднемъ сводились на то, что Австрія могла бы получить обратно Истрію и Далмацію, цѣнныя для нея, а взамѣнъ уступить Наполеону остающуюся у нея часть Галиціи. Вотъ съ чѣмъ пріѣхалъ Меттернихъ въ Вѣну и вотъ почему онъ остановилъ переговоры съ Россіей, не желая компрометтировать Австріи; но онъ заигрывалъ съ кружкомъ княгини Багратіонъ зная ея вліяніе, и черезъ вѣнскихъ русскихъ со-

общалъ въ Петербургъ разныя тревожныя извѣстія, вродѣ того, что какъ только Наполеонъ покончитъ войну съ Испаніей, онъ нападетъ на Россію. Такимъ образомъ, оказывается, что русская дипломатія первая начала дѣйствовать противъ Наполеона на австрійской аренѣ; позже, но нѣсколько успѣшнѣе пошелъ по тому же пути Наполеонъ, а Австрія играла на два фронта, оставляя за собой возможность дѣйствовать и съ Франціей и съ Россіей, глядя по обстоятельствамъ. Но интересно то, что въ тѣхъ и въ другихъ переговорахъ, шедшихъ параллельно въ Вѣнѣ и Парижѣ, оба союзника—будущіе противники—выдвигаютъ одинъ и тотъ жс предметъ соглашенія—Польшу. И та и другая сторона имѣетъ въ виду имѣть на своей сторонѣ этотъ народъ. Мы видѣли, какъ смотрѣлъ Наполеонъ на значеніе въ его политикѣ Варшавскаго герцогства. Но для насъ еще не ясенъ вопросъ, зачѣмъ нужно было русской дипломатіи пріобрѣтеніе „Древней Галиціи“, почему она въ этотъ моментъ цѣнила ее настолько высоко, что отдавала за нее Дунайскія княжества, которыя вотъ-вотъ должны были, казалось, быть въ рукахъ Россіи?

Послѣ того, какъ одно за другимъ шли извѣстія о бракѣ Наполеона съ эрцгерцогинею австрійской и объ отказѣ его ратификовать посланный ему проектъ конвенціи, въ душѣ Александра залегла мысль о томъ, не взяться ли самому за возстановленіе Польскаго государства въ интересахъ Россіи и сдѣлать изъ него оружіе противъ Наполеона. Мысль о возстановленіи Польши была не новостью въ жизни Александра. Сначала она была мечтою его юности, когда онъ такъ сильно увлекался идеями свободы и рѣшительно осуждалъ „основанія политики“ своей бабушки. Она относится къ 1796 году, когда началась его дружба съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Онъ и его братъ Константинъ были по желанію Екатерины посланы родителями въ Петербургъ, гдѣ были зачислены въ гвардію и жили вродѣ заложниковъ. Они были назначены состоять при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ. Скоро ихъ знакомство стало переходить въ дружбу, которая была пріятна императрицѣ и потому встрѣчала съ ея стороны скорѣе поощреніе, чѣмъ пре-

пятствіе. Веснoю 1796 г. великій князь пригласилъ Адама Чарторыйскаго придти къ нему въ Таврическій дворецъ. Вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ свиданіи. „Великій князь признался мнѣ, что наше поведеніе, моего брата и мое, наша покорность судьбѣ, которая должна была быть тягостной для насъ, спокойствіе и равнодушіе, съ которымъ мы все приняли, не придавая ничему цѣны и не отвергая милостей, для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе; что онъ сочувствуетъ нашимъ побужденіямъ, что онъ угадываетъ ихъ и одобряетъ, что онъ ощутилъ потребность ознакомить насъ съ истиннымъ образомъ своихъ мыслей, что онъ не можетъ помириться съ мыслью, чтобы мы имѣли о немъ понятіе, не согласное съ дѣйствительностью. Онъ сказалъ мнѣ затѣмъ, что онъ нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ Кабинета и Двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабушки, что онъ порицаетъ ея основныя начала; что всѣ его желанія были на сторонѣ Польши и имѣли предметомъ успѣхъ ея славной борьбы, что онъ оплакивалъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости... Прохаживаясь вдоль и поперекъ по саду мы нѣсколько разъ встрѣтились съ Великою Княгинею, прогуливавшейся отдѣльно. Великій Князь сказалъ мнѣ, что его супруга повѣренная всѣхъ его мыслей и что она знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что за исключеніемъ ея, я первое и единственное лицо, съ которымъ послѣ отъѣзда его наставника (Лагарпа) онъ рѣшился говорить о нихъ“. „Онъ отпустилъ меня, говоритъ Чарторыйскій, сказавъ, что постарается видаться съ мной какъ можно чаще; впрочемъ, предписавъ мнѣ величайшую осторожность и безусловную тайну, позволилъ мнѣ сообщить содержаніе нашего разговора брату“. „Я разстался съ нимъ, сознаюсь въ томъ, внѣ себя, глубоко взволнованный, не зная, сонъ ли это или дѣйствительность!..... Я возымѣлъ къ нему безграничную привязанность и чувство, внушенное имъ мнѣ въ эту первую минуту, пережило даже постепенное разрушеніе возбужденныхъ имъ надеждъ; позже оно устояло противъ всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ ему самимъ же Александромъ, и никогда не погасло, не смотря на множество причинъ и на всѣ печальныя

разочарованія, которыя могли бы разрушить его". Съ переѣздомъ въ Царское Село эти свиданія стали чаще и свободнѣе, такъ какъ друзья нерѣдко уходили за нѣсколько верстъ гулять и во время этихъ прогулокъ отдавались вполнѣ своимъ мечтамъ и идеямъ. Они разговаривали о судьбахъ человѣчества и о справедливомъ общественномъ устройствѣ, а также и о Польшѣ. Александръ высказывалъ намѣреніе, когда получитъ власть, исправить несправедливость, совершенную раздѣлами, и предоставить свободное существованіе польскимъ областямъ. Въ юношескихъ мечтахъ конечно не обсуждались подробности того, какъ это сдѣлать; казалось достаточно намѣтить высокую и справедливую цѣль, не останавливаясь надъ способами ея осуществленія —Дѣйствительность сурово отнеслась къ этимъ мечтамъ. Оказалось, что не такъ то легко осуществить ихъ. Подъ вліяніемъ трудностей они блекли, Александръ сталъ къ нимъ холоднѣе, потомъ самъ призналъ ихъ утопіей, но въ глубинѣ души говорилъ, какъ донъ-Карлосъ: „это была дѣтская идея, да, но божественно прекрасная"! Не разъ Адамъ Чарторыйскій ходатайствовалъ предъ Александромъ за свою несчастную родину. Онъ встрѣчалъ въ немъ готовность на частичныя улучшенія, на помощь лицамъ и на защиту справедливости; но не было времени заняться реформами.

Теперь, въ началѣ 1810 года, когда душа Александра потрясена призракомъ возстановляемой Польши, предмета когда то его сочувствія, потомъ равнодушія и наконецъ опасенія и преслѣдованія, у него явилась мысль: можетъ быть его юношескій энтузіазмъ глядѣлъ дальше и видѣлъ яснѣе, чѣмъ эгоистическіе разсчеты государя и политика? Не приказываетъ ли ему государственный интересъ быть теперь смѣло справедливымъ и великодушнымъ? Не заключается ли его личный интересъ, правильно понимаемый, въ томъ, чтобы осуществить романъ, набросанный въ садахъ Таврическомъ и Царскосельскомъ? Наполеонъ хочетъ возстановить Польшу въ видахъ своего честолюбія и ненависти къ Россіи... не можетъ ли онъ сдѣлать того же самаго раньше его и противъ него и воспользоваться ею, чтобы бороться съ нимъ и побѣдить? Россія владѣетъ большею частью бывшаго королевства; до сихъ поръ она заботилась только о томъ, чтобы подчинить эти области своей власти, вытравить въ нихъ

память и сожалѣніе о прошломъ. Не сможетъ ли она болѣе справедливымъ обращеніемъ достигнуть того, что они сольются съ нею свободно и самопроизвольно? Александръ теперь лишь господинъ этого населенія... Пусть онъ станетъ его вождемъ, возвратитъ ему его имя, его законы, его учрежденія, его языкъ; пусть онъ дастъ ему національную администрацію, пусть поставитъ эти области въ положеніе отдѣльнаго государства, сплоченнаго и неразрывно связаннаго съ его Имперіей, пусть онъ подниметъ корону польскую и соединитъ ее на главѣ своей съ короной царей русскихъ... Государство, такимъ образомъ возсозданное,—автономное государство,—станетъ центромъ объединенія для другихъ частей разрозненной націи, и они всѣ, не исключая и герцогства Варшавскаго, сольются съ нимъ. Если теперь варшавяне тяготѣютъ къ Наполеону, то это потому, что его покровительство представляется имъ единственнымъ путемъ къ возстановленію ихъ отечества. Пусть имъ покажутъ это самое ихъ отечество на ихъ границѣ воскрешенное, живое, грядущее имъ на встрѣчу,—и они протянутъ къ нему руки и покинутъ Наполеона, который имъ предлагаетъ только надежду, ради Александра, который имъ показываетъ дѣйствительность.

Таковъ былъ приблизительно характеръ мыслей, волновавшихъ Александра въ мартѣ 1810 года. Онъ не рѣшился сообщить ихъ Румянцеву, зная его отношеніе къ вопросу и то, что онъ крѣпко держится за рѣшеніе вопроса путемъ конвенціи съ Наполеономъ. Онъ остановился на томъ, чтобы дѣйствовать по секрету отъ него и пригласилъ къ себѣ Чарторыйскаго, чтобы позондировать его на счетъ осуществимости этого дѣла. На этомъ свиданіи и на слѣдующихъ между ними шелъ сначала очень осторожный, потомъ болѣе откровенный разговоръ объ этомъ дѣлѣ. Александръ попросилъ Чарторыйскаго представить ему докладъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять въ бывшихъ польскихъ областяхъ и былъ очень удивленъ, когда тотъ вовсе не коснулся вопроса объ ихъ автономіи. Чарторыйскій съ своей стороны недоумѣвалъ относительно поворота мыслей Императора, такъ какъ онъ зналъ о переговорахъ о конвенціи съ Наполеономъ, цѣлью которой было окончательно забить могилу Польши. Онъ спросилъ Александра относи-

тельно этой конвенціи: развѣ правда, что Наполеонъ отказалъ въ ея ратификаціи? Нѣсколько смущенный этимъ вопросомъ, Александръ отвѣтилъ, что это не такъ, но что Шампаньи (мин. иностр. дѣлъ Франціи) вставилъ въ нее пункты и выраженія, направленныя къ устраненію самаго имени Польши, но что онъ, Александръ ихъ измѣнилъ и снова послалъ проектъ въ Парижъ. Это было какъ разъ противоположное тому, что было въ дѣйствительности. Бесѣды съ Чарторыйскимъ показывали, что проектъ Александра I трудно осуществимъ; но оба собесѣдника рѣшили все таки дѣйствовать. Надо сказать, что, какъ ни фантастичною казалась идея Александра, она не была лишена всякаго основанія въ дѣйствительности. Въ самомъ герцогствѣ Варшавскомъ и въ Галиціи несомнѣнно была русская партія. Представители ея были убѣждены, что если какимъ нибудь способомъ Польша можетъ расчитывать на возрожденіе, то только подъ эгидой Россіи. Еще такъ недавно, въ 1809 году, когда кн. Голицынъ вошелъ въ Галицію, къ нему являлась депутація отъ Галиційскихъ магнатовъ и представители Варшавскаго герцогства и заявляли ему, что они готовы перейти на сторону Россіи, если императоръ Александръ объявитъ себя королемъ польскимъ и выражали увѣренность, что за ними пойдетъ вся Галиція и герцогство. Тогда кн. Голицынъ сообщилъ объ этой депутаціи Александру и тотъ отвѣтилъ, что онъ не отступится ни отъ одной изъ областей, отошедшихъ къ Россіи, но что онъ готовъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, согласиться царствовать надъ польскими землями, находящимися за границею, включая сюда Галицію и Варшавское герцогство. Съ тѣхъ поръ кое что измѣнилось. Россія не заняла тогда своевременно всей Галиціи (древней и новой), какъ это должно было быть по плану кампаніи Наполеона, и двинулась только тогда, когда онъ уже былъ въ Вѣнѣ, и тѣмъ самымъ дала себя опередить войскамъ Варшавскаго герцогства. Наполеонъ утверждалъ впослѣдствіи, что разъ она заняла бы Галицію, она необходимо и осталась бы за нею. Какъ бы то ни было, но фактъ присоединенія Новой Галиціи къ Варшавскому герцогству значительно умалилъ значеніе русской партіи. Возстановленіе ея теперь стало труднѣе. Но все же агенты Россіи стали дѣйствовать въ Герцогствѣ и распространять слухи о намѣ-

реніи Александра возстановить Польшу. Но этимъ слухамъ не давалось опредѣленной формы. Избраніе Бернадотта наслѣдникомъ Шведскаго престола и захваты Наполеона на побережьѣ Сѣвернаго и Балтійскаго морей даютъ этой агитаціи большую энергію и самому плану опредѣленную форму. Распространяется идея, что императоръ Александръ желаетъ образовать автономное государство подъ своимъ главенствомъ изъ герцогства Варшавскаго и русскихъ провинцій, за исключеніемъ Кіевской губерніи и Подоліи и, можетъ быть, съ присоединеніемъ австрійской Галиціи или части ея. Вотъ гдѣ лежитъ объясненіе переговоровъ Шувалова съ вѣнскимъ кабинетомъ относительно обмѣна Галиціи на Дунайскія княжества. Чтобы компрометтировать Наполеона въ глазахъ поляковъ, какъ реставратора Польскаго королевства, распускался слухъ, что онъ заключилъ съ Россіей конвенцію, которою обязался не допускать возстановленія Польши Съ другой стороны сообщалось, что проектируемое Александромъ автономное государство будетъ снабжено конституціей. Русскіе агенты, дѣйствуя въ Герцогствѣ, по необходимости сталкивались съ агентами Наполеона. Играя въ темную, какъ бы въ жмурки, они наталкивались другъ на друга и обнаруживали себя взаимно. Они доносили своимъ правительствамъ о своихъ открытіяхъ, что конечно только усиливало обоюдную подозрительность Александра и Наполеона и убѣждало ихъ въ неизбѣжности столкновенія. Такъ, французскій агентъ Тіаръ доносилъ Наполеону о томъ, что императоръ Александръ составилъ планъ, подготовку осуществленія котораго поручилъ Северину Потоцкому. „Этотъ планъ, какъ онъ писалъ, заключается въ возстановленіи польскаго королевства съ его независимостью и съ его привилегіями, но только соединеннаго на вѣчныя времена съ Россіей, на подобіе того, какъ Итальянское королевство соединено съ Франціей. Этотъ планъ здѣсь (въ Герцогствѣ) хорошо извѣстенъ, не смотря на всѣ усилія русскихъ. Онъ не соблазняетъ поляковъ, но онъ слишкомъ льститъ ихъ эгоизму и ихъ лѣни, чтобы не найти сторонниковъ среди крупныхъ помѣщиковъ русско-польскихъ областей, которые очень стоятъ за него. Его сильно будутъ поддерживать кромѣ того, фанатизованные греки (читай: православные). Варшавское герцогство будетъ приглашено присоединиться

къ большинству. Таковъ планъ, который Россія предполагаетъ осуществить при первомъ сигналѣ войны. Очень важно было бы предупредить его, такъ какъ онъ ихъ (поляковъ) разъединитъ или по меньшей мѣрѣ приведетъ къ тому, что они будутъ драться между собою".

Одновременно съ агитаціей въ Польшѣ предпринята была концентрація войскъ къ западной границѣ и созданіе укрѣпленной линіи вдоль береговъ Днѣпра, Двины и промежуточнаго пространства между ними. Концентрація происходила въ большой тайнѣ. Густая цѣпь казаковъ въ пограничной полосѣ служила занавѣсомъ, который долженъ былъ прикрывать это сосредоточеніе до поры до времени. Собрано было 240 т. человѣкъ и предполагалось оттянуть часть силъ отъ турецкой арміи. Въ это время у французовъ въ Германіи было всего на всего три дивизіи маршала Даву, такъ что въ отношеніи военныхъ приготовленій Россія далеко опередила Наполеона. Планъ, какъ онъ носился въ умѣ Александра, заключался въ томъ, чтобы съ этой силой предупредить предполагавшееся нападеніе Наполеона на Россію и напасть на Варшавское герцогство. Опираясь на симпатіи въ этомъ послѣднемъ, привлечь на свою сторону войска этой области и двинуться въ Германію. Тамъ соединиться съ Пруссіей и, поднявъ недовольные элементы среди нѣмцевъ, подавить Наполеона этимъ массовымъ движеніемъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ освободиться отъ борьбы въ Испаніи, и такимъ образомъ освободить Европу отъ этого деспота, рука котораго такъ долго уже тяготѣетъ надъ нею. Объ Англіи не было рѣчи въ этомъ планѣ, такъ какъ само собою разумѣлось, что она примкнетъ къ нему. Этотъ планъ захватывалъ душу Александра съ одной стороны своею грандіозностью,—его умъ всегда увлекало все великое,--а съ другой стороны и тѣмъ, что въ немъ его роль рисовалась какъ роль освободителя народовъ, которому суждено положить основаніе ихъ благосостоянію, основанному на свободѣ и на развитіи соотвѣтствующихъ учрежденій.

Нельзя отрицать того, что въ этомъ планѣ была значительная доля осуществимости и что онъ во всякомъ случаѣ былъ разумнымъ на случай войны съ Наполеономъ. Но умъ захватывалъ широкіе горизонты, а воля колебалась при перспективѣ такого смѣлаго шага. Александръ отказался отъ

него по той причинѣ, что всѣ извѣстія изъ герцогства Варшавскаго говорили, что нельзя расчитывать на то, что войска польскія отпадутъ отъ Наполеона и перейдутъ на сторону Россіи. Но, отказавшись отъ наступательной тактики, нельзя было расчитывать, что отъ этого плана ничто не проникнетъ за границу и что всѣ приготовленія останутся въ тайнѣ. Сквозь густую сѣть казаковъ, якобы ограждавшихъ границу отъ провоза въ Германію и въ Герцогство—контрабандныхъ колоніальныхъ товаровъ, проникли извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ и дошли до Наполеона.

Когда до его слуха дошелъ этотъ шумъ отъ передвигающагося войска и отъ работъ по сооруженію крѣпостей, онъ сталъ прислушиваться и къ своему изумленію узналъ, что армія уже готова и придвинута къ границѣ Варшавскаго герцогства, тогда какъ его собственныя силы заторможены въ Испаніи, и въ Германіи почти что ничего не готово. Всѣ военныя приготовленія въ Варшавскомъ герцогствѣ ограничивались въ 1810 года укрѣпленіемъ Праги и доставкой нѣсколькихъ десятковъ тысячъ ружей. Съ начала 1811 года онъ быстро перемѣщаетъ центръ тяжести своей дѣятельности въ Германію и начинаетъ лихорадочно приготовляться къ войнѣ и сосредоточивать свои силы. Онъ подозрѣваетъ, что Россія вошла въ соглашеніе съ Англіей; это подозрѣніе было столь же мало основательно, какъ и подозрѣніе Александра относительно его намѣренія возстановить Польское королевство; но онъ только этимъ предположеніемъ объясняетъ себѣ и снисходительность Россіи по отношенію „нейтральныхъ“ судовъ и товаровъ и, наоборотъ, повышеніе тарифа на французскіе товары и ея строгость къ этимъ товарамъ, проникающимъ контрабаднымъ путемъ. А разъ Россія сходится съ Англіей, рушится вся континентальная система, и Англія выходитъ побѣдительницей. Значитъ надо бороться съ Англіей черезъ Россію. Въ теченіе года слишкомъ идутъ приготовленія къ войнѣ, которой оба противника не желали и которой оба, по соображеніямъ, не имѣвшимъ основанія въ дѣйствительности, признали неизбѣжною. Когда двѣ арміи стали одна противъ другой, столкновеніе стало неминуемымъ. Какъ показываетъ неоднократный опытъ, въ такихъ случаяхъ и посредническія услуги другихъ державъ ни къ чему не приводятъ. Для сошедшихся армій только одинъ ис-

ходъ: подраться. А тутъ и посредника то не могло быть, такъ какъ кромѣ Наполеона и Александра никого и не было. Переговоры, которые велись въ теченіе 1811 года и въ началѣ 1812 года могли привести только къ ультиматуму, который Куракинъ,—русскій посолъ въ Парижѣ,—вручилъ 27 апрѣля 1812 года Наполеону. Условія этого дипломатическаго акта само русское правительство считало настолько непріемлемыми, что вмѣстѣ съ посылкою ультиматума императоръ Александръ отправился въ Вильно, къ арміи. Этимъ ультиматумомъ требовалось, чтобы Наполеонъ очистилъ побережье Балтійскаго моря, вывелъ войска изъ Пруссіи, возстановилъ герцогство Ольденбургское и согласился на торговлю Россіи съ нейтральными государствами. За эти уступки ему обѣщалось въ ультиматумѣ согласиться на переговоры о вознагражденіи за Ольденбургъ и объ измѣненіи русскихъ тарифовъ, прилагаемыхъ къ французскимъ товарамъ. Незадолго до предъявленія ультиматума у полковника Чернышева, присланнаго въ Парижъ для веденія переговоровъ съ Наполеономъ, сдѣланъ былъ обыскъ, обнаруживший, что онъ пріобрѣлъ важные секретные документы, подкупивъ одного изъ чиновниковъ военнаго министерства. Этотъ чиновникъ былъ судимъ и казненъ. Нечего и говорить, что послѣ этого и въ виду требованій ультиматума аудіенція кн. Куракина была изъ самыхъ бурныхъ. „Вы дворянинъ, кричалъ Наполеонъ, какъ вы смѣете дѣлать мнѣ подобныя предложенія. Вы поступаете, какъ Пруссія передъ Іеной“. Такъ кончился русско-французскій союзъ и этапъ за этапомъ, съ Эльбы на Одеръ, съ Одера на Вислу подходила громадная французская армія, пока не подошла къ Нѣману и сошлась наконецъ съ русской.

Въ изложеніи отношеній Франціи и Россіи на пространствѣ времени отъ Тильзитскаго мира и до вторженія французовъ въ предѣлы Россіи я старался выяснить тотъ процессъ, въ силу котораго зародыши столкновенія, крывшіеся въ самомъ актѣ Тильзитскаго мира, постепенно разрослись и уничтожили союзъ, не смотря на то, что обѣ стороны придавали ему значеніе и не хотѣли доходить до столкновенія. Мы видѣли, что этими моментами были съ одной

стороны польскій вопросъ, съ другой континентальная система. Каждый разъ, какъ только польскій вопросъ обнаруживался, сначала въ видѣ образованія Варшавскаго герцогства, затѣмъ въ видѣ участія войскъ послѣдняго въ войнѣ съ Австріей и, какъ слѣдствіе послѣдняго, въ видѣ значительнаго увеличенія территоріи герцогства, такъ предъ взоромъ русскаго правительства вставалъ призракъ возстановленія Польскаго королевства, еще такъ недавно прекратившаго свое существованіе, благодаря совмѣстному захвату Россіи, Пруссіи и Австріи. Въ силу стародавнихъ, вѣковыхъ русско-польскихъ отношеній, въ теченіе которыхъ самое существованіе Россіи, какъ самостоятельнаго государства, однажды подвергалось опасности, этотъ призракъ производилъ впечатлѣніе кошмара, мѣшавшаго спокойной оцѣнкѣ политическаго положенія вообще и политики Наполеона по отношенію къ Варшавскому герцогству и разъясненію возникшаго недоразумѣнія. Несомнѣнно то, что изъ Тильзитскаго союза Россія извлекла реальныя выгоды. Она пріобрѣла, благодаря ему, Финляндію и Бессарабію и была наканунѣ пріобрѣтенія Молдавіи и Валахіи. Но опасеніе возстановленія Польши затемняло значеніе пріобрѣтенныхъ выгодъ и побуждало къ низкой оцѣнкѣ выгодъ союза съ Франціей и даже къ войнѣ съ нею, не представлявшей въ перспективѣ никакихъ выгодъ для Россіи. Къ тому же самовластные захваты Наполеона по побережью Сѣвернаго и Балтійскаго морей не только не ослабляли создавшагося уже безпокойства, но вызывали наихудшія опасенія и заставляли принимать мѣры противъ союзника и даже рѣшаться на наступленіе. При наличности всѣхъ документовъ, которые теперь извѣстны и освѣщаютъ данную эпоху съ полною ясностью, не остается сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ не имѣлъ въ виду возстановленія Польши. Защищаясь противъ такого подозрѣнія, онъ не разъ говорилъ, что онъ не такъ глупъ, чтобы тратить силы Франціи ради такой цѣли. Несомнѣнно то, что онъ смотрѣлъ на образованіе Варшавскаго герцогства какъ на стратегическое средство при возможныхъ въ будущемъ осложненіяхъ съ Росссіей, но никакъ не ставилъ это образованіе цѣлью своей политики. Оно вытекло само собою изъ стремленія ослабить Пруссію, а территоріальное усиленіе его было послѣдствіемъ австрійской войны, въ ко·

торой бездѣйствіе Россіи не соотвѣтствовало ея положенію союзника Франціи, а скорѣе похоже было на благопріятный для Австріи нейтралитетъ. Мы знаемъ теперь тайныя пружины этого поведенія, знаемъ, что оно вытекло не изъ реальныхъ интересовъ Россіи, а изъ внушенныхъ опасеній; но эта политика лишила Россію той выгоды, которую можно было извлечь изъ войны съ Австріей. Между тѣмъ энергичное участье въ войнѣ поляковъ оправдало взглядъ Наполеона на стратегическое значеніе Варшавскаго герцогства и сдѣлало его еще болѣе виднымъ, благодаря пассивности Россіи къ войнѣ. Этимъ объясняется усиленіе герцогства, какъ полезнаго стратегическаго момента. Но, дѣлая это усиленіе, Наполеонъ наносилъ смертельный ударъ Тильзитскому союзу. Онъ не понималъ польско-русскихъ отношеній, а потому не могъ и оцѣнить въ достаточной мѣрѣ того впечатлѣнія, которое его политика по отношенію къ Герцогству производила въ Россіи. Но у него и въ мысляхъ не было отказываться тѣмъ самымъ отъ союза съ Россіей. Онъ высоко цѣнилъ его для интересовъ Франціи и цѣпялся за него до послѣдней степени. Менѣе чѣмъ чего либо онъ желалъ войны съ Александромъ и однако сдѣлалъ много, очень много для того, чтобы это роковое столкновеніе стало неизбѣжнымъ.

Хотя польскій вопросъ сыгралъ главную роль въ качествѣ причины этого столкновенія, но немаловажная роль выпала и на долю той грандіозной химеры, которая заключалась въ задачѣ путемъ экономической войны принудить Англію къ сдачѣ. Прекратить торговыя сношенія континанта съ Англіей было невозможно, ибо такое усиліе противорѣчило природѣ вещей. Вѣрно то, что созданныя затрудненія для этихъ сношеній причиняли Англіи огромный вредъ, но ошибочно было мнѣніе Наполеона, что она находится уже при послѣднемъ издыханіи, и что стоитъ только сдѣлать нѣсколько усилій въ томъ же направленіи, чтобы повергнуть въ прахъ этого „всемірнаго ростовщика“, какъ называлъ Англію Наполеонъ. Англійскіе государственные люди и англійское общество стойко выдерживали надвинувшійся на страну кризисъ и не обнаруживали никакихъ признаковъ отступленія. Они какъ будто чувствовали глухой рокотъ поднимавшагося въ Европѣ всеобщаго недовольства противъ На-

полеона и чуяли подъемъ волны этого недовольства, которое было ихъ естественнымъ союзникомъ. Англія теперь стояла съ тою же твердою непоколебимою выдержкой, съ которой позднѣе стояла ея армія при Ватерло. Въ томъ и въ другомъ случаѣ характеръ одержалъ верхъ надъ геніемъ.

Континентальная система была химерой; но ради осуществленія ея были пущены средства, нарушавшія всѣ интересы европейскаго населенія, оправдывались захваты, нарушавшіе всѣ права и возбуждавшіе наихудшія опасенія. Для Россіи континентальная система была тяжелѣе, чѣмъ для другихъ. Ея товары не выдерживали сухопутной перевозки, въ силу своей громоздкости, сравнительно съ ихъ цѣнностью. Ея торговый оборотъ сократился съ 1807 года съ 120 мил. руб. до 83 мил. къ 1811 году. Это почти на треть. Конечно главное сокращеніе ложилось на вывозъ. Вслѣдствіе этого на покрытіе ввоза шла монета, и страна лишилась ея. За отсутствіемъ монеты, падали въ цѣнѣ выпускавшіяся бумажныя деньги, такъ что бумажный рубль стоилъ только 25 к. серебрянныхъ. Сокращеніе вывоза наносило убытокъ русскимъ помѣщикамъ, особенно крупнымъ, а паденіе цѣны денегъ и затрудненіе привоза колоніальныхъ товаровъ создавало дороговизну товаровъ, не только привозныхъ, но и туземныхъ. Цѣны на сахаръ, бывшія въ 1802 г. отъ 18 до 20 р. за пудъ, въ 1811 году поднялись до 115—120 р. за пудъ. Въ той же степени вздорожали и другіе колоніальные товары. Это было тяжело тѣмъ, кто получалъ опредѣленный доходъ, какъ всѣ служащіе, и увеличивало расходы государства. Этимъ объясняется то недовольство, которымъ охвачено было русское общество того времени и вражда его къ Наполеону. Но въ этомъ недовольствѣ играло также роль и политическое настроеніе высшаго класса. Онъ смотрѣлъ на Наполеона, какъ на проводника революціонныхъ реформъ и въ томъ числѣ отмѣны крѣпостного права. Съ этой точки зрѣнія онъ относился съ одинаковой ненавистью и къ Наполеону, и къ Сперанскому. Таково было настроеніе среды, составлявшей правящій классъ въ Россіи. Это настроеніе не могло не оказывать вліянія на императора Александра и создавало атмосферу, благопріятствующую столкновенію. Но Наполеонъ смотрѣлъ на соблюденіе континентальной системы

какъ на ключъ своей политики и не жалѣлъ ничего для ея поддержанія.

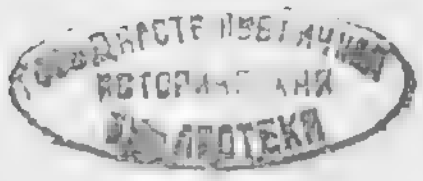
Такъ, цѣлый клубокъ сплетшихся воззрѣній, чувствъ, предразсудковъ и реальныхъ интересовъ создавалъ необходимость столкновенія, котораго не желала ни та, ни другая сторона. Несомнѣнно, что даже и тогда, когда для Александра и для Наполеона уже была ясна близость войны, они оба не желали ея; но уже съ того момента, какъ началась концентрація вооруженныхъ силъ, они не могли не столкнуться, война стала неизбѣжностью. Первымъ началъ приготовленія къ ней Александръ, Наполеонъ послѣдовалъ за нимъ. Война не была выгодна и не оказалась выгодною ни для той, ни для другой стороны. Франція и Наполеонъ могли проиграть въ ней много, но почти ничего не выиграть. И дѣйствительно: велико было то крушеніе Наполеона, которое вызвано было походомъ въ Россію. Россія ничего не выиграла, если не считать присоединенія Варшавскаго герцогства въ видѣ Царства Польскаго. Главный выигрышъ выпалъ на долю Англіи, да выгадали Пруссія и Австрія, ставшія впослѣдствіи противниками Россіи, которая вслѣдствіе этого и пришла снова въ концѣ XIX вѣка къ союзу съ Франціей, освободившейся отъ культа Наполеона и наполеонидовъ. И тѣмъ не менѣе обѣ стороны шли шагъ за шагомъ къ столкновенію и Наполеонъ волей-неволей пришелъ къ Нѣману почти ровно черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ на берегахъ той же рѣки онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Александромъ. Онъ подошелъ къ тому сфинксу, который представлялся неизвѣстнымъ будущимъ и необъятной Россіей, и на этомъ сумрачномъ фонѣ ему рисовалась Москва какъ цѣль похода, съ достиженіемъ которой сопряженъ будетъ миръ, а затѣмъ въ еще большемъ отдаленіи и въ полномъ туманѣ мерцали мечты о походѣ въ Индію вмѣстѣ съ Россіей и сокрушеніе Англіи. Но все это были именно фантазіи и мечты, но не планы. Впереди все-таки было то неизвѣстное, о которомъ пророчески говорилъ Камбасересъ во время обсужденія брачныхъ плановъ Наполеона.

Одинъ авторъ, написавшій небольшую книжечку „Les Monologues de Napoléon“, въ которой онъ пытается изобразить въ приписываемыхъ ему монологахъ его мысли и чувства въ разные моменты его жизни, такъ изображаетъ его

настроеніе въ моментъ переправы войскъ черезъ Нѣманъ 11 іюня 1812 года. Онъ стоитъ верхомъ на лошади на высокомъ холмѣ берега Нѣмана и, смотря на движушуюся по нѣсколькимъ мостамъ армію, говоритъ: „мои планы! Пусть вѣрятъ друзья и недруги, что у меня и на сей разъ есть таковой, какъ бывало въ другія компаніи. Правда въ томъ, что сегодня я отдаюсь богинѣ съ завязанными глазами, совсѣмъ не вѣдая, куда она меня приведетъ. Я направляюсь въ Москву и въ Азію, не больше. Вотъ весь мой планъ. Въ самомъ дѣлѣ, это мало. Я не знаю, какое сопротивленіе я встрѣчу и до какихъ поръ я дойду. Это опасно, и я отдаю случаю слишкомъ много мѣста. Я это знаю. Зачѣмъ же я здѣсь? Эта колоссальная экспедиція,—была ли она необходима, фатальна? Нисколько. Могъ ли я избѣжать ее? Да. Не было ли у меня иной возможности употребить мои силы и время? Еще разъ да. Такъ зачѣмъ же?—Вѣроятно затѣмъ, чтобы вызвать къ жизни грандіозную картину, которая теперь разворачивается передо мною на Нѣманѣ, и чтобы записать ее на скрижаляхъ исторіи... Къ дѣлу! На русскихъ! Прежде всего надо ихъ покорить. Имѣю ли я дѣло только съ государемъ, или съ дворомъ, или со всѣмъ народомъ? Я ничего не знаю... Какъ бы то ни было, возвращаться назадъ нельзя. Впередъ, въ неизвѣстность!

Георгій Аѳанасьевъ.

Кіевъ.
3 Мая 1912 года.



ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АКАДЕМ...
№
Цена

МОГИЗ
Магазин 7
8 р.

8 —
21124/253

2886